

М. И. ВОЛОВИКОВА

Представления русских о нравственном идеале

**ИНСТИТУТ ПСИХОЛОГИИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

Маргарита Воловикова

**Представления русских
о нравственном идеале**

«Когито-Центр»

2004

Воловикова М. И.

Представления русских о нравственном идеале /
М. И. Воловикова — «Когито-Центр», 2004

Книга содержит теоретический анализ проблемы социальных представлений, в частности, проблемы представлений о нравственном идеале. На обширных биографических, автобиографических и других материалах, а также опираясь на результаты многолетних эмпирических исследований, автор рассматривает особенности нравственного идеала у русских: социальные представления о праве и нравственном человеке, представления о Родине и о «типично русском» человеке, представления о «настоящем празднике» и др. Для психологов, философов, педагогов и широкой читательской аудитории.

© Воловикова М. И., 2004

© Когито-Центр, 2004

Содержание

«Реальность идеала...»	6
Вступление. Эстафета культур	7
Глава I	12
Речь Достоевского о Пушкине	13
Преступление и наказание	19
«Исход»	25
Петербургские дневники	28
Северная Фиваида	31
«Кашеева цепь»	35
Сказка о мире и человеке	42
Глава II	47
Мир русской деревни	48
Конец ознакомительного фрагмента.	58

М. И. Воловикова
Представления русских
о нравственном идеале

© Институт психологии Российской академии наук, 2004

«Реальность идеала...»

Книга М. И. Воловиковой посвящена важным и актуальным для отечественной психологической науки проблемам. Социальные представления о нравственном идеале в российском менталитете здесь рассматриваются как в историческом, так и в эмпирическом аспекте. Под руководством и при участии автора проведены исследования имплицитных концепций нравственности (обыденных представлений о порядочном человеке), изучение представлений о юридическом законе и праве в современной России, представлений о Родине, и многие другие работы, изложению результатов которых посвящена большая часть настоящей книги. Авторской удачей является обращение к позитивному эмоционально-нравственному опыту, накопленному в русской народной культуре. Это исследование современных социальных представлений о «настоящем празднике», а также обширный материал биографического и этнографического характера. Обращение к классическому философскому наследию (к работам А. Ф. Лосева, С. С. Аверинцева, П. А. Флоренского, И. А. Ильина, Е. Н. Трубецкого и др.) делает книгу теоретически глубокой и насыщенной.

Методологически то направление исследований, которое ведется М. И. Воловиковой более двадцати лет, продолжает традиции школы Сергея Леонидовича Рубинштейна. Внимание к процессу становления социальных представлений личности, качественному анализу эмпирического материала, к глубоким теоретическим обобщениям, характерное в целом для рубинштейновского направления, отличает и данное исследование.

Следует специально отметить следующее. Благодаря тому, что внимание автора было сосредоточено на определенных, составляющих содержание работы проблемах, ей удалось выявить те аспекты нравственного сознания, которые претерпели изменения за прошедшие десятилетия. И это является огромной ценностью данной работы.

Хотя в название книги вынесено понятие «идеала», с позиций этого идеала выявляется реальность, ему противоречащая или к нему ведущая.

Написанная живо и просто, книга М. И. Воловиковой может представлять интерес как для психологов, так и для самой широкой читательской аудитории.

Действительный член Российской академии образования, профессор К. А. Абульханова

Вступление. Эстафета культур

В работе «Заметки о русском» Дмитрий Сергеевич Лихачев напоминает о том, что слово «русский» является прилагательным – в отличие от наименований в русском языке других наций. Это означает, по мнению Д. С. Лихачева, что «русский» – больше, чем определенная нация, это свойство принадлежности к русской культуре, характерное для многих народов, живущих в России. Так это сложилось в течение веков становления российской государственности и культуры.

Исследователи отмечают, что исторические корни русских уходят в XI–XIII вв., а начальный этап формирования этноса пришелся на XIV век, когда на обломках растерзанной полчищами Батия Древней Руси стало складываться единое этническое целое¹. Ныне русские являются самым многочисленным этносом в славянском мире.

В ходе расселения образовывались отдельные историко-культурные группы русских, «в каждой из которых при сохранении общих черт материальной и духовной культуры прослеживались свои особенности этнического и культурного свойства»². Основой для идентификации себя как единого народа в течение тысячелетней истории являлась принадлежность к православию. А. В. Буганов отмечает: «В XIX в., как и в предыдущие столетия, русские четко осознавали свою причастность к православной вере. Это проявлялось и в мирное время – общепринятое обращение к собравшимся на сельских сходах было «Православные», и особенно во время войн и вооруженных конфликтов. В эти периоды идентификация по конфессиональному признаку выражалась еще более отчетливо. Конфессионизм ПРАВОСЛАВНЫЕ выполнял функции этнического определителя русских, противники, даже если они были христианского вероисповедания, почитались за НЕХРИСТЕЙ»³.

Это наблюдение, сделанное относительно военного времени, находило свое подтверждение даже во время Великой Отечественной войны. В книге Елены Ржевской «Ближние подступы: записки военного переводчика» есть запись, сделанная под Москвой весной 1942 г.: «Православные! Навались! – крикнул доброхот боец, помогавший толкать застрявшую машину»⁴.

В исторической памяти русских людей сохранились события Балканских войн второй половины XIX века за освобождение болгар – братьев по вере от турецкого господства, когда чувство единства с угнетаемыми славянскими народами объединяло Россию. А когда в конце XIX века разыгралась греко-турецкая война, симпатии крестьян, узнавших о боевых действиях из газет, все время были на стороне греков. «Позиция крестьян говорит об осознании ими единства с греками по конфессиональному признаку...»⁵.

Академик Н. И. Конрад писал: «Каждый народ, большой и малый по своей численности, имеет свою индивидуальную историю, всегда обладающую своими оригинальными, неповторимыми чертами. Можно сказать даже, что история человечества проявляется именно в истории отдельных народов, через всю их историю. История человечества не какой-то безликий процесс: она очень конкретна и складывается из деятельности отдельных народов, имеющих каждый свое собственное лицо. Но в то же время как часто смысл исторических событий, составляющий, казалось бы, принадлежность только истории одного народа, в полной мере открыва-

¹ См. Русские / отв. ред. Александров В. А., Власова И. В., Полищук Н. С. М.: «Наука», 1997, с. 7 и с. 16.

² Там же, с. 8.

³ См. Русские / отв. ред. Александров В. А., Власова И. В., Полищук Н. С. М.: «Наука», 1997, с. 650

⁴ Ржевская Е. Берлин, май 1945. М.: «Правда», 1988, с. 38.

⁵ Русские... с. 652.

ется лишь через общую историю человечества»⁶. История становления русского этноса прочно вплетена в европейскую историю.

Первые княжества на Руси возникли в IX веке, а 1 августа 988 года (по церковному преданию) совершилось крещение Руси. Летописи рассказывают, как посланцы князя Владимира побывали в разных странах, пытаясь постигнуть основания веры других народов. Они принесли князю такой ответ, сохраненный Нестором Летописцем в «Повести временных лет»: «... И пришли мы в греческую землю, и ввели нас туда, где служили они Богу своему, и не знали – на небе или земле мы: ибо нет на земле такого зрелища и красоты такой, и не знаем, как рассказать об этом. Знаем только, что пребывает там Бог с людьми, и службы их лучше, чем во всех других странах. Не можем мы забыть красоты той, ибо каждый человек, если вкусит сладкое, не возьмет потом горького; так и мы не можем уже здесь пребывать в язычестве».

К XIV–XV вв., когда государственность на Руси окрепла и была одержана победа в борьбе с татаро-монгольским нашествием, юная православная страна стала прибежищем и второй родиной для многих художников, архитекторов, мастеров и ученых из Византии – болгар, сербов, греков. Весной 1453 года Константинополь пал в неравной битве с армией султана Махмуда II. Русское государство стало мировым центром и оплотом православия и оставалось им почти пятьсот лет.

Октябрьская революция 1917 года и последующие десятилетия социалистического строительства одновременно с ослаблением идентификации себя с православным народом привели и к стиранию границ этнической идентификации. Появилась «новая общность людей», основанная на интернациональных принципах.

Странное это было время. С одной стороны, стирание границ между нациями, с другой – ужесточение преследований и репрессий по национальному принципу. Нападение внешнего врага – фашистской Германии заставило даже жестокого правителя СССР вспомнить о национальных героях, память о которых веками формировала лучшие черты народа. Названные в обращении Сталина 3 июля 1941 г. имена – это русские святые Александр Невский и Дмитрий Донской.

В каждом народе образы национальных героев бережно хранятся, передаются от поколения к поколению, служат основой воссоздания национального характера. В прежние времена эти образы жили в песнях, былинах и в сказках. Вплоть до начала прошлого века существовала традиция семейного чтения вслух. Потом появились кино, радио, телевидение и, наконец, всемирная паутина – Интернет. Пришли «герои дня», специализированные для разных возрастных и социальных групп. Кто ныне образует нравственный идеал нации?

С. Л. Рубинштейн так писал о значении идеала в процессе становления личности:

«Идеал может выступать в качестве совокупности норм поведения; иногда это образ, воплощающий наиболее ценные в этом смысле привлекательные человеческие черты, – образ, который служит образцом. <...> Это предвосхищенное воплощение того, чем он может стать. Это лучшие тенденции, которые, воплотившись в образе-образце, становятся стимулом и регулятором его развития. <...> Часто в качестве идеала выступает историческая личность, в которой эти черты особенно ярко воплотились. Наличие определенного идеала вносит четкость и единство в направленность личности. В раннем возрасте идеалом в большей мере служат люди ближайшего окружения – отец, мать, старший брат, кто-нибудь из близких, затем учитель. Позже в качестве идеала, на который подросток, юноша хотел бы походить, выступает историческая личность, очень часто кто-либо из современников. В идеалах человека ярко проявляется его

⁶ Конрад Н. И. Избранные труды. М.: «Наука», 1974, с. 296.

общая направленность. Проявляясь в них, она через них и формируется. Идеалы формируются под определяющим воздействием общественных оценок. Воплощаясь в идеале, через его посредство эти общественные оценки формируют общую направленность личности»⁷.

Владимир Даль показывает глубину понимания слова “идеал”, как она зафиксирована в великорусском⁸ языке середины XIX века: «Идеал — мысленный образец совершенства чего-либо, в каком-либо роде, первообраз, прообраз, началообраз; представитель». И далее, как отдельное значение добавлен «образец-мечта»⁹. Нас в этом исследовании интересует действенный идеал, хотя «мечты» избежать не удастся, особенно когда речь пойдет о представлениях об идеале в молодежной среде.

Гипотеза нашего исследования состоит в предположении о том, что социальные представления о нравственном идеале у наших современников имеют сложную структуру, в центре которой – так называемое ядро, не всегда вполне осознаваемое, но образующее основу этнической идентичности русских людей. На периферии более осознаваемыми и, соответственно, легче выявляемыми оказываются вторичные качества и свойства. Нас интересует, прежде всего, неизменное ядро этих представлений.

Таким образом, речь пойдет о переменных и константных образованиях. Отсюда встает проблема *метода* и *конкретных методик* проведения исследования. Но прежде следует сказать несколько слов об одном из главных понятий для данной работы – о *социальных представлениях* (хотя на протяжении всей книги мы еще не раз будем к нему обращаться).

Это понятие появилось в 60-е годы в работах известного французского психолога С. Московичи и с тех пор оно завоевывает все большее пространство: сначала в западной психологии, а последние десятилетия исследования социальных представлений становятся все более популярными и в России.

Анализируя сходство и различие французской и отечественных школ исследования, К. А. Абульханова отмечает:

«Самое общее определение функции социальных представлений можно было бы сформулировать так: их совокупность обеспечивает личности *степень субъективной определенности восприятия, понимания и воспроизведения социальной действительности и себя в ней*. Функция воспроизведения, т. е. отрыва во времени представления от впечатления, восприятия чего-либо, активного воспроизведения личностью этого впечатления, воздействия объекта, ситуации, другого человека и т. д., обусловлена тем, что социальные представления у личности возникают не только в силу ее непосредственного контакта с действительностью, она черпает их из общественного сознания. Практически большинство традиционно выделявшихся в отечественной психологии форм общественного сознания – религия, идеология, мораль, эстетика и др., – кроме науки, – образованы совокупностью соответствующих религиозных, моральных и других представлений»¹⁰.

⁷ Рубинштейн С. Л. ... Основы общей психологии в 2 т. Т.2. М.: «Педагогика», 1989, с. 119–120.

⁸ Академик О. Н. Трубачев делает вывод о том, что изначальный смысл названия «Великороссия» (равно как и топонима Великобритания) в его изначальной ориентационности, в определении вторичной колонизации и ее отношении к исходной области. Т. е. подобно тому как сначала возникла Бретань, а потом – Великобритания, для Руси Великой – Великороссии, изначальной, коренной была Русь Малая – Малороссия (Трубачев О. Н. Этногенез и культура древнейших славян. Лингвистические исследования. М.: Наука, 2002).

⁹ Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Т. 2. СПб.-М.: издание М.О. Вульфа, 1881.

¹⁰ Абульханова К. А. ... Социальное мышление личности. В кн.: Современная психология: состояние и перспективы исследований. Ч. 3. Социальные представления и мышление личности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2002, с. 96–97.

Автор отмечает прямую зависимость социальных представлений от личности и обратную зависимость личности от социальных представлений.

Интересное наблюдение было сделано известным польским психологом Я. Рейковским в период резких социальных изменений во время «перестройки», начавшейся в Польше задолго до российской. В своем исследовании он отметил противоречивый характер и неравномерность в изменении представлений о меняющейся обвальными темпами социальной действительности.

Консервативность представлений служит сохранению психического здоровья нации и конкретного человека. В этом смысле все периоды революций являются большим испытанием для психической стабильности – на уровне личности и на уровне общества в целом. Одновременно подобные периоды (свидетелями и участниками одного из которых стали и мы) являются естественной «лабораторией» для изучения внутренних причин изменения социальных представлений.

Мысленная картина мира, интерпретация явлений социальной действительности, идеалы и ценности – все проходит жесткую проверку, испытание (иногда кажется, что в России такие испытания происходят чаще, чем в других странах).

Наблюдения С. Л. Рубинштейна об особенностях изменения осознания нравственных норм и законов в «переломные» эпохи были сделаны после революции и года «великого перелома», т. е. коллективизации, а, точнее, разрушения прочного и веками отлаженного крестьянского быта. Закрепленные традиционным укладом, но слабо осознаваемые самим человеком нормы нравственного поведения для того, чтобы устоять в таких условиях, должны быть приняты (или отвергнуты) сознательно.

Речь идет о книге «Человек и мир». В этой работе С. Л. Рубинштейн пишет о том, что появление человека является событием космического масштаба, – оно преобразует всю вселенную. Человеку дана способность *сознания* — осознания мира, себя в мире и всего существующего в видимом мире. «Поскольку есть человек, он становится ни чем иным, как объективно существующей отправной точкой всей системы координат. Такой отправной точкой человеческое бытие становится в силу человеческой активности, в силу возможности изменения бытия, чем человеческое существование отличается от всякого другого... Вселенная с появлением человека – это осознанная, осмысленная Вселенная, которая изменяется действиями в ней человека»¹¹. В этой связи решающую роль играет «мировоззрение, собственный духовный облик человека»: «Так знание, добро, красота выступают не отчужденными от человека и тем самым друг от друга, поскольку осуществляется преодоление шутности, лоскутности, изолированности гносеологии, этики, эстетики», а правда и добро выступают «как отношения людей, определенные в их понятийном содержании»¹². Масштабы конкретного человека в данный момент своего развития различны в зависимости оттого, насколько он в состоянии вместить, отразить в своем бытии окружающий мир в богатстве связей и отношений. Но главное состоит в утверждении: человеческое существо как таковое призвано вместить в себя всех и вся. Об этом, как пишет Рубинштейн, поведали миру поэты и вообще искусство. Человек – это «существо, осознающее мир, часть, охватывающая целое, зеркало Вселенной». Своими действиями он включается в бытие, преобразуя, «взрывая» его. И в то же время человеческое существо причастно бесконечности мира, постигая эти свои свойства в деятельности *созерцания*. «Человек – конечное существо – включается в мир, в его бесконечное бытие как: 1) бытие, преобразующее реальность, и 2) как переходящее в форму идеального существования. Процесс осознания бытия есть переход бытия вне человека в идеальную форму сущности субъ-

¹¹ Рубинштейн С. Л. Проблемы общей психологии. М.: «Педагогика», 1973, с. 330.

¹² Там же, с. 331.

екта <...> Конечное человеческое бытие выступает как «очаг», из которого исходят «взрывные реакции», распространяющиеся на все бытие»¹³.

Ожидая грядущую революцию в России, писатель Максим Горький думал об образах тех героев, на примере которых новое поколение будет учиться жизни. Горький готовил серию книг «Жизнь замечательных людей». В его письме к известному французскому писателю-романтику Ромену Роллану, датированном 1916 годом, упомянут среди других и вождь еврейского народа Моисей («вождь» в первоначальном смысле слова – как тот, кто ведет свой народ – через пустыню в «землю обетованную»). Ромен Роллан ответил в январе уже следующего, 1917 года. Согласившись участвовать в замысле Горького, французский писатель более всего протестовал против включения в серию «Жизни Моисея»: «Некоторые из великих имен, на которых Вы остановились, смущают меня, когда я думаю о детских душах. Вы предлагаете им опасные примеры – такие как Моисей. <...> Сознаюсь, что я несколько отошел от взгляда на великих людей прошлого, как на пример, которому следует подражать...»¹⁴. На что Горький вынужден оправдываться: «Но я беру Моисея исключительно как социального реформатора, и книга тоже должна рассматривать его с этой стороны. Я подумал было о Жанне д'Арк. Но боюсь, как бы этот сюжет не заставил нас говорить о “мистической душе народа” и о других вещах, которые мне непонятны и которые очень вредны для нас, русских»¹⁵. В эти дни больших надежд и ожиданий, связанных с грядущей революцией, было не до «непонятных и вредных для русских» вещей. Письмо сопровождает приписка, сделанная Горьким уже в Женеве и датированная июлем 1917-го года: «События, происшедшие в России, задержали это письмо. Поздравим друг друга; <...> русский народ вступил в брачный союз со свободой, и я надеюсь, что этот союз даст жизнь многим великим душам, которые прославят человечество»¹⁶.

Есть настоятельная потребность обратиться к живым свидетельствам того времени, других переломных эпох, чтобы увидеть, как происходит *процесс* рождения и проверки иллюзий, укоренения идеала, осознание в нем того главного, чему стоит посвятить всю жизнь без остатка.

¹³ Рубинштейн С. Л. Проблемы общей психологии. М.: «Педагогика», 1973, с. 344

¹⁴ Роллан, Р. Собр. соч. В 14 т. Т. 14. С. 373

¹⁵ Там же, с. 374.

¹⁶ Там же, с. 375.

Глава I

Свидетели Российской истории

Понять многие события, происходившие в «переломную» – послеоктябрьскую эпоху, помогают опубликованные воспоминания, дневниковые записи, большое богатство которых оставлено нам самими участниками событий: что-то увидело свет в советской России, многое опубликовано у нас только в последние десять – пятнадцать лет. В них огромный человеческий поток первой русской эмиграции смог поведать нам о своих переживаниях и осознании произошедшего спустя несколько десятилетий после великого «исхода» русских людей («русских» – в широком значении слова) со своей Родины.

Поток этот и связанные с ним документы и материалы интересны тем, что здесь можно искать глубинные причины сохранения «русскости», т. е. идентификации себя как русского, в условиях инородного окружения. Китай, острова Индонезии, Австралия, обе Америки и вся старая Европа стали прибежищем русской эмиграции. Советская Россия в это время отгородилась от остального мира почти непроницаемой стеной, «железным занавесом». И все-таки что-то позволяло русским по обе стороны границы оставаться одним народом. Причина – в сохранении самого главного и существенного в нравственном идеале нации.

Нам известно множество честных, ярких и умных работ о нравственном идеале у русских, опубликованных либо до революции, либо за рубежом. Есть россыпи осторожных, подцензурных, но изящных и внимательных к человеку работ советских исследователей о нравственном развитии (увы, чаще использовалось слово «формирование», так и не прижившееся в школе С. А. Рубинштейна). Необходимо эти потоки сопоставить, чтобы найти не различия (они очевидны), а сходство. Именно сходство позволит приблизиться к главному в представлениях русских о нравственном идеале. И тем самым – к основной задаче этой книги. Для решения ее необходим выбор точных ориентиров, позволяющих действительно заметить самое существенное. При этом нужно обращение к имени (именам), соединяющему людей. Для русской культуры таким именем вот уже в течение более полутора веков является имя Пушкина. А если о величайшем поэте России говорит другой гений – Достоевский, то к этим словам, сказанным в последней четверти XIX века, стоит внимательно прислушаться. Они-то и станут для нас отправной точкой всего исследования.

Речь Достоевского о Пушкине

Слово о Пушкине было произнесено Ф. М. Достоевским 8 июня 1880 года на заседании Общества любителей российской словесности и опубликовано затем в одном из выпусков «Дневника писателя». Ввиду важности мыслей, развиваемых в речи «Пушкин», писатель предваряет ее публикацию специальным «Объяснительным словом»¹⁷. Здесь он еще раз останавливается на главных четырех утверждениях, на которых «Речь» построена.

В первом утверждении говорится об отрыве интеллигентного общества от русского народа и о том, что Пушкин «своим глубоко прозорливым и гениальным умом и чисто русским сердцем своим» не только отыскал, но и преодолел в своем творчестве. Проблема этой послепетровской разделенности единого народа на «народ» и «благородных» (интеллигентных, знатных и т. п.) ныне далеко отстоит от нас, но многое объясняет во внутренних причинах исхода русских. Те, кто уехали из России, через трудности и большие лишения внутренне проходили путь к основам духовной культуры своего народа. А пока, в XIX веке оторванность от народа (от своей «почвы», как говорит Достоевский) приводит к появлению людей онегинского типа, впервые замеченного и описанного Пушкиным.

И сразу же следом «Дневник писателя» говорит о положительном нравственном идеале, выведенном Пушкиным. «Он первый (именно первый, а до него никто) дал нам художественные типы красоты русской, вышедшей прямо из духа русского, обретавшиеся в народной правде, в почве нашей, и им в ней отысканные»¹⁸. Это образы инока в «Борисе Годунове», «типы бытовые» «Капитанской дочки» и Татьяна Ларина, о которой Достоевский говорит искренне и проникновенно.

Третье утверждение касается «способности всемирной отзывчивости», характерной вообще для русских, и особенно ярко выраженной пушкинским гением. «Не в отзывчивости одной тут дело, а именно в изумляющей полноте перевоплощения»¹⁹.

Ту же мысль писатель развивает в четвертом утверждении, выделяя самое главное и существенное в нравственном идеале народа русского: «Я именно напеваю в моей речи, что не пытаюсь равнять русский народ с народами западными в сферах их экономической славы или научной. Я просто только говорю, что русская душа, что гений народа русского, может быть, наиболее способный, из всех народов, вместить в себе идею всечеловеческого единения, братской любви, трезвого взгляда, прощающего враждебное, различающего и извиняющего несходное, снимающего противоречия. Это не экономическая черта и не какая другая, это лишь *нравственная* черта, и может ли кто отрицать и оспорить, что ее нет в народе русском?»²⁰. Луже в самой «Речи» та же мысль выражена еще более определенно и ярко: «Стать настоящим русским, стать вполне русским, может быть, и значит только (в конце концов, это подчеркните) стать братом всех людей, *всечеловеком*, если хотите»²¹.

Итак, в этих «четыре пункта», повествующих о значении Пушкина, точно обозначены и нравственный идеал, и «пародия» на него (догадка Татьяны об Онегине). Отметим, прежде всего, что идеал — это всегда *лицо, образ* — человек, имеющий имя и внешние черты, совершающий *поступки*. Герои, созданные поэтом, для многих поколений становятся реальными и живыми *образами* поведения. Именно в таком виде они занимают свое место в представле-

¹⁷ Далее страницы приводятся по изданию: Достоевский Ф.М. «Дневник писателя за 1880 г.»; в кн.: «Русская идея: сборник произведений русских мыслителей», М.: «Айрис-пресс», 2002.

¹⁸ Там же, с. 163.

¹⁹ Там же, с. 164.

²⁰ Там же, с. 165–166.

²¹ Там же, с. 187.

ниях людей. Онегин, Ленский и Татьяна для многих поколений не менее реальны, чем некоторые исторические деятели. В представления эти герои включаются уже вместе со своими отношениями к другим действующим лицам. И тогда возможным становится то, что и век спустя пушкинская Татьяна потрясает юного читателя простонародным своим ответом:

Но я другому отдана
И буду век ему верна.

О Татьяне Достоевский пишет: «Это тип положительной красоты, это апофеоза русской женщины...»²². В самой же «Речи» писатель говорит:

«Она высказывает правду поэмы. О, я ни слова не скажу про ее религиозные убеждения, про взгляд на таинство брака – нет, этого я не коснусь. Но что же: потому ли она отказалась идти за ним, несмотря на то, что сама же сказала ему: “Я вас люблю”, потому ли, что она “как русская женщина” (а не южная или французская какая-нибудь), не способна на смелый шаг, не в силах порвать свои путы, не в силах пожертвовать обаянием почестей, богатства, светского своего значения, условиями добродетели? Нет, русская женщина смела. Русская женщина смело пойдет за тем, во что поверит, и она доказала это. Но она “другому отдана и будет век ему верна”»²³.

И далее Достоевский развивает ту, наверное, главную для него идею о том, что счастье нельзя построить ценой несчастья другого, если платой за счастье станут позор и бесчестье «старика» («Евгений Онегин»), если за счастье «всего человечества» нужно пожертвовать страданиями и жизнью «всего лишь» одного младенца («Братья Карамазовы» и др.).

«Счастье не в одних только наслаждениях любви, а в высшей гармонии духа. Чем успокоить дух, если назади стоит несчастный, безжалостный, бесчеловечный поступок? <...> Позвольте, представьте, что вы сами возводите здание судьбы человеческой с целью в финале осчастливить людей, дать им наконец мир и покой. И вот, представьте себе тоже, что для этого необходимо и неминуемо надо замучить всего только лишь одно человеческое существо <...> Согласитесь ли вы быть архитектором такого здания на этом условии? Вот вопрос»²⁴.

Речь о Пушкине, произнесенная Достоевским, потрясла современников. Это видно и по дискуссии, особенно когда умный и язвительный К. Н. Леонтьев хочет ослабить впечатление, но не может этого сделать.

Два русских гения, разделенные по времени жизни почти полувеком, – Пушкин и Достоевский, «встретились» в эпоху начавшихся цареубийств и почти неотвратимого приближения грядущей революции и смогли сформулировать продуманную до конца мысль, особенно важную для русских людей с их «всемирной отзывчивостью», внутренней готовностью воспринять идею о построении счастья «для всего человечества» и, обладая способностью перевоплощаться, воплотить ее жизнью своею. К тому же «Речь» показывает два глубоких российских раскола: народа с интеллигенцией и женской души с ее мужской «половиной».

Прислушаемся опять к Достоевскому:

«Я вот как думаю: если бы Татьяна даже стала свободною, если б умер ее старый муж, и она овдовела, то и тогда бы она не пошла за Онегиным.

²² Достоевский Ф.М. «Дневник писателя за 1880 г.», с. 177.

²³ Там же, с. 179.

²⁴ Там же, с. 179–180.

Надобно же понимать всю суть этого характера. Ведь она же видит, кто он такой: вечный скиталец увидал вдруг женщину, которой прежде пренебрег, в новой, блестящей недостижимой обстановке, – да ведь в этой обстановке-то, пожалуй, и вся суть дела. <...> Вот мой идеал, восклицает он, вот мое спасение, вот исход тоски моей, я проглядел его, а счастье было так возможно, так близко!» <...> Да разве этого не видит Татьяна, да разве она не разглядела его уже давно? <...> Она знает, что он принимает ее за что-то другое, а не за то, что она есть, что не ее даже он и любит, что, может быть, он и никого не любит, да и не способен даже кого-нибудь любить...»²⁵.

У Достоевского (особенно в «Дневнике писателя») есть очень тонкие и честные наблюдения о том, как легко любить «дальнего», «человечество» и т. п., но как *смертельно трудно* любить просто человека, «ближнего». Любить – значит воспринимать его страдания как свои, но этому противится природный эгоизм и просто чувство самосохранения. Имеющие опыт *такой* любви не будут подсчитывать, сколькими жизнями и страданиями можно заплатить за всеобщее счастье или справедливость.

Достоевский предчувствовал русскую революцию и предостерегал от нее. Как если и женщина русская увлечется идеей пустой и убийственной?

Читая автобиографические повести С. В. Ковалевской, можно наблюдать, как происходит этот процесс и как даже очень умная и одаренная женщина оказывается беззащитной. Идеи невидимы. Невозможно поставить заслон, чтобы не допустить их в богатый генеральский дом, в котором растут две сестры: старшая, красавица и одаренный литератор, и младшая – в будущем первая в России женщина – профессор математики Софья Ковалевская. Достоевский был знаком с сестрами и даже сватался к старшей – Анне, рассказывая позднее своей невесте об этом так:

«Анна Васильевна – одна из лучших женщин, встреченных мною в жизни. Она чрезвычайно умна, развита, литературно образована, и у нее прекрасное доброе сердце. Это девушка высоких нравственных качеств; но ее убеждения диаметрально противоположны моим, и уступить их она не может, слишком уж она прямолинейна. Навряд ли поэтому наш брак мог бы быть счастливым. Я вернул ей данное слово и от всей души желаю, чтобы она встретила человека одних с ней идей и была бы с ним счастлива»²⁶.

История сестер (рассказанная младшей, Софьей) напоминает еще об одном *переломном* моменте в судьбах России и ее граждан – крестьянской реформе 1861 года. Последствия реформы для помещиков можно сравнить с последствиями первоапрельского финансового обвала 1991-го, когда граждане России в течение нескольких дней вернулись за порог бедности. Сейчас давние события позапрошлого века забыты, но реально богатые помещики были разорены. В воспоминаниях Софьи Ковалевской об этом говорится так:

«В ранней своей молодости сестра моя была очень хороша собой: высоконькая, стройная, с прекрасным цветом лица и массою белокурых волос, она могла называться почти писаной красавицей <...> Она часто приходила к отцу и со слезами на глазах упрекала его за то, что он ее держит в деревне. <...> Иногда он снисходил до объяснений и очень резонно доказывал ей, что в теперешнее трудное время это обязанность каждого помещика жить в своем

²⁵ Там же, с. 180–181.

²⁶ Достоевская А. Г. Воспоминания. Приводится по тексту примечаний к книге С. В. Ковалевской «Воспоминания. Повести». М.: Правда, 1986, с. 409–410.

поместье. Бросить теперь имение значило бы разорить семью. <...> После подобных разговоров она уходила к себе в комнату и горько плакала»²⁷.

Женихов и молодежного окружения не было. Их заменили книги, и буквально *внедрение* идеала («чуждого», как позднее заметил Достоевский) произошло при встрече с литературным героем – очень посредственным, но надрывно эмоциональным.

«В тот самый момент, когда она еще бессознательно начинала набивать себе оскомину от рыцарских романов, попался ей в руки удивительно экзальтированный роман «Гаральд»²⁸.

То, что написано в романе, полностью противоположно духу православия. Героиней является Эдит, невеста погибшего короля Гаральда, кажется, великого злодея. Эдит совершает какие-то невозможные подвиги, становится известной католической монахиней и перед смертью *требуется* за свои подвиги прощения душе жениха, но, услышав от священника, что это *невозможно* («Король Гаральд проклят...»), мало того, что *отказывается* от спасения своей собственной души, так еще и *требуется* у Бога явных знаков – доказательств: «Яви мне перед смертью знамение: когда мы прочтем «Отче наш», пусть загорится сама собой свеча...» – и прочее...

Текст настолько кощунственен, что только явный отрыв от родной почвы позволил девушке внутренне принять этот бред: «Из уст благочестивой Эдит вырвался вопль проклятия, и взор ее погас навеки»²⁹. Софья Ковалевская отмечает: «И вот этот-то роман совершил перелом во внутренней жизни моей сестры»³⁰.

Следом на подготовленной таким образом почве спокойно прижились идеи нигилизма, занесенные, как это обычно было для того времени, соседом-поповичем³¹. «Главный *prestige*³² молодого человека в глазах Анюты заключался в том, что он только что приехал из Петербурга и навез оттуда самых что ни на есть новейших идей», – пишет Ковалевская. Ею же сделано наблюдение, очень интересное:

«Можно сказать, что в этот промежуток времени, от начала 60-х до начала 70-х годов, все интеллигентные слои русского общества были заняты только одним вопросом: семейным разладом между старыми и молодыми. О какой дворянской семье не спросишь в то время, о всякой услышишь одно и то же: родители поссорились с детьми. И не из-за каких-нибудь вещественных, материальных причин возникали ссоры, а единственно из-за каких-нибудь вопросов чисто теоретических, абстрактного характера. “Не сошлись убеждениями!” – вот только и всего, но этого “только” вполне достаточно, чтобы заставить детей побросать родителей, а родителей отречься от детей. Детями, особенно девушками, овладела в то время словно эпидемия какая-то – убежать из родительского дома»³³.

Анна Васильевна уехала из России в 1869 году вместе с младшей сестрой Софьей и ее мужем. Во Франции она стала известной революционеркой Анной Жаклар, а после поражения

²⁷ Ковалевская С. В. Воспоминания. Повести. М.: Правда, 1986, с. 83. Далее страницы приводятся по указанному изданию.

²⁸ Там же, с. 86.

²⁹ Там же, с. 88.

³⁰ Там же, с. 88.

³¹ Вспоминая историю своего нигилизма о. Сергей Булгаков, происходивший из семьи священника, замечает: «Думаю, что моя внешняя судьба здесь аналогична судьбам также семинаристов Добролюбова и Чернышевского». Булгаков С. Православие. М.: Фолио, 2001, с. 297.

³² Обаяние, престиж (фр.)

³³ Ковалевская С. В. Воспоминания. Повести. М.: Правда, 1986, с. 93.

Парижской коммуны ей удалось с помощью родителей и супругов Ковалевских скрыться из Парижа. В примечаниях к воспоминаниям Ковалевской об Анне Жаклар сказано: «Она участвовала в работе Центрального Комитета Союза женщин, основанного Елизаветой Дмитриевой, последовательницей Маркса, посланной в Париж от Генерального Совета Интернационала»³⁴.

Идея «Интернационала» – явная подмена «русской идеи», впервые названной так Достоевским (в объявлении о подписке на журнал «Время» на 1861 год). В «Речи» русская идея сформулирована со всею искренностью и определенностью:

«И впоследствии, я верю в это, мы, то есть, конечно, не мы, а будущие грядущие русские люди поймут уже все до единого, что стать настоящим русским и будет именно значить: стремиться внести примирение в европейские противоречия уже окончательно, указать исход европейской тоске в своей русской душе, всечеловеческой и всесоединяющей, вместить в нее с братскою любовью всех наших братьев, а в конце концов, может быть, и изречь окончательное слово великой, общей гармонии, братского окончательного согласия всех племен по Христову евангельскому закону. <...> Что же, разве я про экономическую славу говорю, про славу меча или науки? Я говорю лишь о братстве людей и о том, что ко всемирному, ко всечеловечески братскому единению сердце русское, может быть, из всех народов наиболее предназначено, вижу следы сего в нашей истории, в наших даровитых людях, в художественном гении Пушкина»³⁵.

Идея «Интернационала» – «фантазия» людей, оторванных от родной почвы, от народа, к которому они принадлежат. И то, как происходит пленение деструктивной и убийственной в прямом смысле слова мыслью, показано самим Достоевским с анатомической точностью в романе «Преступление и наказание». В ранней молодости своей Достоевский сам переболел идеями социализма. И дело не только в том, что это увлечение едва не стоило ему жизни. Он смог изнутри понять ошибочность идеи построения «счастья» для всех «дальних», невзирая на «неизбежные жертвы». В самом резком виде он описал это в романе «Бесы», после революции почти не издаваемом.

По мысли А. В. Брушлинского (и всей школы С. Л. Рубинштейна), именно *психическое как процесс* является предметом психологии. Для выявления процесса в *живом мышлении* им был разработан *микросемантический анализ*, к которому мы еще не раз будем здесь возвращаться. Этот вид качественного анализа основан на выявлении общей направленности мысли с помощью вычленения в тексте (письменном или устной речи) моментов *переформулирования* высказываний. При этом сама речевая ситуация понимается в терминах решения мыслительной задачи, где есть условия, требование и вопросы, которые зачастую еще нужно сформулировать.

Применение анализа, первоначально разработанного в исследованиях *мышления*, для изучения *социальных представлений* следует специально обговорить.

Хотя социальные представления – это общепринятые убеждения, поддерживаемые большинством идеи и ценности, помогающие объяснить мир³⁶, формируются они на уровне конкретных личностей (последнее обстоятельство и позволяет К. А. Абульхановой говорить о *личностных* представлениях). В работах о социальных представлениях иногда используется калька с английского слова – *репрезентации*. В Большом англо-русском словаре в качестве одного из значений слова representation дается пояснение – *понятие; представление; (мыслен-*

³⁴ Там же, с. 404.

³⁵ Русская идея..., с. 188.

³⁶ См. Майерс Д. «Социальная психология», СПб.: Питер, 1997, с. 679–680.

ный) образ³⁷. В Толковом словаре русского языка *представление* объясняется через слова *знание, понимание чего-либо*³⁸. В. Даль в качестве одного из значений слова *понятие* употребляет в качестве синонима слова *представление* и *мысль*: «...мысль, представленье, идея; что сложилось в уме и осталось в памяти по уразумении, постижении чего либо»³⁹.

Зафиксированная в словарях связь *мысли* и *представлений* (пока что – любых, не только социальных) позволяет обратиться к анализу зарождения, принятия какой-либо мысли человеком.

Хотя исторически термин *социальные представления* образовался от понятия *коллективные представления*, введенного Э. Дюркгеймом в *социологию* и обозначающего чувства и идеи, которые выражают единство и сплоченность *социальной группы*, для того, чтобы быть принятой (или отвергнутой) группой, мысль первоначально должна быть принята отдельным человеком.

С этими предварительными замечаниями (предполагая в дальнейшем еще не раз вернуться к проблеме исследования социальных представлений) мы можем перейти к микроанализу действия законов принятия (и пленения) мыслью на уровне конкретного человека.

Такую возможность дает нам обращение к роману Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание».

³⁷ Новый Большой англо-русский словарь под ред. Ю. Д. Апресяна и Э. М. Медниковой. М.: Русский язык, 1993–1994.

³⁸ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник, 1999.

³⁹ Даль В. Словарь живого великорусского языка. Т. 3.

Преступление и наказание

«Преступление и наказание» является одной из первых попыток автора разобраться в том, как же происходит захват человека ложной идеей. Доверяя гению Достоевского, мы обращаемся к этому его роману как к истории заболевания и постепенного, очень трудного и мучительного исцеления героя.

Родион Раскольников по природе своей умен, красив, способен на добрые и бескорыстные поступки. Однако читатель знакомится с ним в тот момент, когда мысль об убийстве уже начинает подчинять его себе. Раскольников ненавидит эту мысль, но сам не в силах избавиться от нее, хотя пока ему представляется, что он свободен и лишь «играет» в идею убийства как решения всех своих проблем. Идя на первую «пробу» к будущей жертве, он разговаривает сам с собою: «Ну зачем я теперь иду? Разве я способен на *это*? Разве *это* серьезно? Совсем не серьезно. Так, ради фантазии сам себя тешу; игрушки! Да, пожалуй, что и игрушки!»⁴⁰. Автор говорит о том, что еще месяц назад герой «не верил этим мечтам своим и только раздражал себя их безобразною, но соблазнительною дерзостью». Теперь же «он уже начинал смотреть иначе» и, «как-то поневоле» привык считать «безобразную мечту» уже совершенным делом, «хотя все еще сам себе не верил»⁴¹.

Обстоятельства жизни Родиона Раскольникова были затруднительны. Они действительно требовали решения. Бедность, невозможность продолжать учебу в университете, необходимость помогать сестре и матери (или хотя бы материально не затруднять их) – все это объективные «условия» житейской задачи, с которой столкнулся молодой человек. Убийство «злой и жадной старухи» (с которою по жизненным обстоятельствам Раскольников не был связан) не могло быть «единственным» решением проблемы. Более того, уже совершив преступление, он понял, насколько далеко отбросило его это от всех без исключения важнейших жизненных планов и целей. Так что, действительно, «игрушки», «мечта», то есть обман. Как же обману удалось завладеть его умом, более того, подчинить этот неординарный, хорошо развитый ум себе и заставить (буквально насильно, парализовав волю человека) воплотить «мечту» в жизнь?

Произведение это обладает достоверностью биографического свидетельства. Внутренняя канва его – суд над «социалистической» идеей, уже стоившей автору дороги сначала на эшафот, а затем на каторгу. Достоевский до конца идею о возможности одним людям (в романе это Раскольников) взять на себя право исправить социальное неравенство за счет жизни других людей. В более поздних произведениях (особенно в «Бесах») эта идея оформится пророчески четко и коснется уже основ социалистического движения (будущей революции). В «Преступлении и наказании» герой еще одинок в своем противостоянии «всему остальному миру».

Одиночество не позволяет ему поделиться с кем-либо завладевающей им большой идеей. Первая «исповедь» Сонечке Мармеладовой является поворотным моментом к будущему, еще не скорому возрождению души героя. Но происходит это уже после совершения преступления, можно сказать, почти умершим человеком («это я не старуху убил, я себя убил...»).

Какие ступени этой лестницы, ведущей вниз – к воплощению в жизнь самоубийственного решения, можно обнаружить?

Первой ступенью оказалось теоретическое допущение возможности перешагивать через нравственный закон совести. Допущение было оформлено Раскольниковым в виде журнальной

⁴⁰ Здесь и далее номера страниц приводятся по изданию: Достоевский Ф. М. Преступление и наказание. Махачкала: Дагестанское книжное изд-во, 1970, с. 24.

⁴¹ Там же, с.5.

статьи, написанной за полгода до совершения преступления. Сам он так объясняет идею статьи «раскопавшему» ее следователю Порфирию:

«Я просто-запросто намекнул, что “необыкновенный” человек имеет право... то есть не официальное право, а сам имеет право разрешить своей совести перешагнуть... через иные препятствия, и единственно в том только случае, если исполнение его идеи (иногда спасительной, может быть, для всего человечества) того потребует»⁴².

Добавления про то, что это правило не обязательно для исполнения, а также рассуждения о благе «всего человечества» ничего не меняют. Допущение, что кто-то избранный будет прав, перешагнув закон совести, переворачивает нравственные координаты.

Сделав нравственный закон «психологической переменной», Раскольников теряет иммунитет к тем мыслям, идеям, разговорам, которые всегда окружают человека: «Странная мысль наклеивалась у него в голове, как из яйца цыпленок, и очень, очень занимала его»⁴³. Случайно услышанный в трактире разговор сыграл роль «подсказки» и помог этому «цыпленку» оформиться в идею, с которой Раскольников начинает мысленно играть.

В святоотеческой традиции (с которой хорошо был знаком Достоевский) существует веками отточенный навык обращения с мыслями (помыслами). У преподобного Нила Сорского, жившего в XV–XVI веках, так написано о пути, каким мысли овладевают человеком:

«Святые отцы учат, что мысленная брань или борьба, сопровождаемая победой или поражением, происходит в нас различно: сперва возникает представление помысла или предмета – прилог; потом принятие его – сочетание; далее согласие с ним – сложение; за ним порабощение от него – пленение; и, наконец, – страсть»⁴⁴.

Все эти стадии Родион Раскольников, «подготовленный» своими теоретическими допущениями и не владеющий приемами «мысленной брани» (битвы, сражения), проходит, фактически, в течение одного случайно подслушанного разговора! Речь за соседним столиком идет о старухе процентщице:

«...с одной стороны, глупая, бессмысленная, ничтожная, злая, больная старушонка, никому не нужная и, напротив, всем вредная, которая сама не знает, для чего живет. <...> С другой стороны, молодые, свежие силы, пропадающие даром без поддержки, и это тысячами, и это всюду! Сто, тысячу добрых дел и начинаний, которые можно устроить и поправить на старухины деньги. <...> Одна смерть и сто жизней взамен – да ведь тут арифметика!»⁴⁵.

Пока услышанная мысль – лишь *прилог*. Преподобный Нил Сорский говорит, что прилог – это какая-либо мысль, пришедшая человеку на ум: «И как таковой, прилог называют безгрешным, не заслуживающим ни похвалы, ни осуждения, потому что он не зависит от нас...»⁴⁶.

Однако услышанное повторяет во многом аргументацию самого Раскольникова. Он заинтересованно вслушивается в разговор, вступая в *сочетание* с мыслью (об убийстве старухи). Преподобный Нил Сорский пишет:

«Сочетанием святые Отцы называют собеседование с пришедшим помыслом, т. е. как бы тайное от нас слово к явившемуся помыслу, по страсти

⁴² Достоевский Ф. М. Преступление и наказание. С. 199.

⁴³ Там же, с.50.

⁴⁴ Преп. Нил Сорский. Устав скитской жизни. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1991, с. 17.

⁴⁵ Достоевский Ф. М. Преступление и наказание. С. 50.

⁴⁶ Преп. Нил Сорский. Устав скитской жизни. С. 17.

или бесстрастно; иначе, принятие приносимой от врага мысли, удержание ее, согласие с ней, и произвольное допущение пребывать ей в нас»⁴⁷.

Преподобный говорит далее, что пока мысль еще не берет полную власть над человеком, и он еще в силах сопротивляться ей.

Как бы подтверждая слова преподобного (а, скорее всего, зная об этой древней мудрости), Достоевский тотчас приводит один из путей сопротивления помыслу: мысли больной и злой противопоставить мысль здоровую и остроумную. Соседи, продолжая разговор, так просто и естественно закрывают тему:

«— Вот ты теперь говоришь и ораторствуешь, а скажи ты мне: убьешь ты сам старуху или нет?

— Разумеется, нет! Я для справедливости... Не во мне тут и дело...

— А, по-моему, коль ты сам не решаешься, так нет тут никакой справедливости!»⁴⁸.

Однако мысль, облеченная в слово и произнесенная, продолжает жить и производить свое разрушительное действие на других людей. Эти двое отбросили мысль как негодную, а Раскольников быстро проходит путь от сочетания с нею к *сложению*, а затем *пленению*.

Преподобный Нил Сорский пишет:

«Сложением святые отцы называют уже благосклонный от души прием помысла, в нее пришедшего, или предмета, ей представившегося. Это бывает, например, когда кто-либо порожденную врагом мысль или представленный от него предмет примет, вступит с ним в общение через мысленное разглагольствование и потом склонится или расположится в уме своем поступать так, как внушает вражий помысел»⁴⁹.

Именно это и произошло с героем Достоевского:

«Раскольников был в чрезвычайном волнении. Конечно, все это были самые обыкновенные и самые частые, не раз уже слышанные им, в других только формах и на другие темы, молодые разговоры и мысли. Но почему-то именно теперь пришлось ему выслушать именно такой разговор и такие мысли, когда в собственной голове его только что зародились... *такие же точно мысли?* И почему именно сейчас, как только он вынес зародыш своей мысли от старухи, как раз и попадает он на разговор о старухе?.. Станным всегда казалось ему это совпадение. Этот ничтожнейший трактирный разговор имел чрезвычайное на него влияние при дальнейшем развитии дела: как будто действительно было тут какое-то предопределение, указание...»⁵⁰.

Произошло *пленение* помыслом, которое вскоре обратилось в *страсть*.

Преподобный Нил Сорский так пишет о *пленении*: «Пленение есть невольное увлечение нашего сердца к нашедшему помыслу, или постоянное водворение его в себе – совокупление с ним, отчего повреждается наше доброе устройство». И далее: «Второй случай бывает тогда, когда ум, как бы бурей и волнами подъемлемый и отторженный от благого своего устройства к злым мыслям, уже не может придти в тихое и мирное состояние. Это обыкновенно происходит от рассеянности и от излишних бесполезных бесед»⁵¹.

⁴⁷ Там же, с. 18.

⁴⁸ Достоевский Ф. М. Преступление и наказание. С. 51.

⁴⁹ Преп. Нил Сорский. Устав скитской жизни. С. 17.

⁵⁰ Достоевский Ф. М. Преступление и наказание. С. 52.

⁵¹ Преп. Нил Сорский. Устав скитской жизни. С. 19.

Напомним начало приведенного текста Достоевского: «Раскольников был в чрезвычайном волнении...». О волнении (образ бушующего моря) преподобный Нил Сорский говорит как о явном показателе *пленения* ума. Человеку уже трудно сопротивляться мысли, которой он пленен, а в *страсти* он практически лишается воли самостоятельно освободиться от поработившего его помысла. Преподобный пишет:

«Страсть есть долговременное и обратившееся в привычку услаждение страстными помыслами, влагаемыми от врага, и утвердившееся от частого размышления, мечтания и собеседования с ними». Он говорит: «Так святые подвижники свидетельствуют нам, что все грехопадения человеческие совершаются не иначе, как с постепенностью»⁵².

Сказанное святыми отцами о подвижниках тем более верно относительно всех людей: именно внутренняя тишина и внутренняя напряженная работа («умное делание») позволили им обнаружить постепенность на пути падения человека от мысли – к преступлению. В обычной («шумной») жизни путь этот может быть краток, однако основные вехи его те же: прилог, сочетание, сложение, пленение и страсть.

Таковы и вехи на пути Раскольникова к преступлению, хотя читатель знакомится с героем в тот момент, когда страсть уже поработила его:

«Впрочем, эти вопросы были не новые, не внезапные, а старые, наболевшие, давнишние. Давно уже как они начали его терзать и истерзали ему сердце. Давным-давно как зародилась в нем вся эта теперешняя тоска, нарастала, накоплялась, а в последнее время созрела и концентрировалась, приняв форму ужасного, дикого и фантастического вопроса, который замучил его сердце и ум, неотразимо требуя разрешения. Теперь же письмо матери вдруг как громом в него ударило. Ясно, что теперь надо было не тосковать, не страдать пассивно, одними рассуждениями, о том, что вопросы неразрешимы, а непременно что-нибудь сделать, и сейчас же, и поскорее. <...> Вдруг он вздрогнул: одна, тоже вчерашняя, мысль опять пронеслась в его голове. Но вздрогнул он не оттого, что пронеслась эта мысль. Он знал, он *предчувствовал*, что она непременно «пронесется», и уже ждал ее; да и мысль эта была совсем не вчерашняя. Но разница была в том, что месяц назад, и даже вчера еще, она была только мечтой, а теперь... теперь явилась вдруг не мечтой, а в каком-то новом, грозном и совсем незнакомом ему виде, и он вдруг сам сознал это... Ему стукнуло в голову и потемнело в глазах»⁵³.

Эта не узнаваемая им самим мысль уже взяла власть над ним, и он не в силах ей сопротивляться. Решила дело уже самая малость: случайно услышанный разговор о том, что в такое-то время старуха останется дома одна:

«До его квартиры оставалось только несколько шагов. Он вошел к себе, как приговоренный к смерти. Ни о чем не рассуждал и совершенно не мог рассуждать; но всем существом своим вдруг почувствовал, что нет у него более ни свободы рассудка, ни воли и что все вдруг решено окончательно»⁵⁴.

Происходящее далее больше всего напоминает своеобразный *антиинсайт*. Если во время инсайта («обычного», немгновенного – любого) максимально полно проявляется творческая свобода личности, преобразующая ее, расширяющая ее возможности, то здесь мы

⁵² Преп. Нил Сорский. Устав скитской жизни. С. 21 и 20.

⁵³ Достоевский Ф. М. Преступление и наказание. С. 36.

⁵⁴ Там же, с. 49.

можем наблюдать фантастическую хитрость, механически точную последовательность действий при полной потере собственной свободы:

«Он никогда не мог припомнить: думал ли он о чем-нибудь в это время? <...> Вдруг он ясно услышал, что бьют часы. Он вздрогнул, очнулся, приподнял голову, посмотрел в окно, сообразил время и вдруг вскочил, совершенно опомнившись, как будто кто его сорвал с дивана. <...> И необыкновенная лихорадочная и какая-то растерявшаяся суeta охватила его вдруг, вместо сна и отупения. Приготовлений, впрочем, было немного. Он напрягал все усилия, чтобы все сообразить и ничего не забыть...».

И далее:

«Последний же день, как нечаянно наступивший и все разом порешивший, подействовал на него почти совсем механически: как будто его кто-то взял за руку и потянул за собой, неотразимо, слепо, с неестественной силой, без возражений. Точно он попал клочком одежды в колесо машины, и его начало в нее втягивать»⁵⁵.

Достоевский даже сравнивает состояние героя в момент перед совершением преступления с тем, которое бывает у осужденного:

«Так, верно, те, которых ведут на казнь, прилепливаются мыслию ко всем предметам, которые им встречаются на дороге», – мелькнуло у него в голове, но только мелькнуло, как молния; он сам поскорей погасил эту мысль...». И далее, уже за несколько мгновений до убийства, собственный ум словно перестает принадлежать ему: «Вспоминая об этом после, ярко, ясно, эта минута отчеканилась в нем навеки, он понять не мог, откуда он взял столько хитрости, тем более что ум его как бы померкал мгновениями, а тела своего он почти и не чувствовал на себе...»⁵⁶.

Однако этот разрушительный процесс почти полной потери себя – при сохранении способности точно и отлажено действовать – не является единственным в душе Родиона Раскольникова. Сначала слабо, едва заметно, затем все сильнее, а в конце романа – побеждающе звучит противоположная тема. Это тоже мысли, но мысли спасительные, причем герой сразу же чувствует их силу. В какой-то момент это мысль пойти к Разумихину⁵⁷ (тогда не осуществленная). Это также мгновения, когда к нему возвращалось ясное сознание всего ужаса задуманного: «ему вдруг стало дышать как бы легче. Он почувствовал, что уже сбросил с себя это страшное бремя, давившее его так долго, и на душе стало вдруг легко и мирно...»⁵⁸.

Два противоположных состояния – тяжести, душевного беспокойства, смущения, с одной стороны, и душевного мира, легкости, с другой, являются, согласно наблюдениям христианских подвижников, верными показателями ошибочности или, наоборот, правильности избранного пути. Такая духовная интуиция достигалась напряженным трудом («умным деланием») и вниманием к приходящим мыслям (помыслам). То есть существующий процесс развития мысли – от зарождения до воплощения в действии, поступке, имеет характер объективного закона. Самые существенные черты этого закона выявлены и обобщены в многовековой святоотеческой духовной традиции⁵⁹.

⁵⁵ Там же, с. 55.

⁵⁶ Там же, с. 59.

⁵⁷ Интересно значение фамилии: «Разумихин» происходит от слова «разум». Раскольников, словно потеряв контроль над своим умом, пытается повернуть на путь разума.

⁵⁸ Там же, с. 47.

⁵⁹ Говоря о перспективных задачах психологии («науки о душе»), Т. А. Флоренская в своих последних научных планах

Понимание мышления (и вообще психического) как живого процесса, имеющего имманентные законы саморазвития, наиболее близко соотносится с мыслью древних. Решение, каким бы внезапным оно не казалось (инсайт), имеет свою непрерывную (недизъюнктивную) историю зарождения, развития, реализации. То, что мы условно назвали здесь *антиинсайтом* — подчинение воли человека овладевшей им мыслью, превращающей его в отточенный и слаженный *механизм* исполнения убийственной идеи, — также имеет свою историю зарождения и развития, наиболее точно описанную в святоотеческой традиции. Исцеление от этого поражения ума и всей личности также происходит по законам развития психического процесса, преемственности и саморазвития.

Так было и у Раскольникова: это нереализованная вовремя мысль пойти к Разумихину (который и помог впоследствии решить проблемы героя, прежде всего, связанные с сестрой), это добрые его душевные порывы оказать помощь другим людям, им самим трудно объяснимые... Раскольников по природе своей был человек добрый, но временно *плененный* мыслью злой. История «наказания» — это история трудного освобождения героя от страшных последствий такого плена. Находясь в заключении (на каторге), он впервые обретает свободу внутреннюю.

записала: «Современная практическая психология своими корнями уходит в наследие раннехристианских подвижников, главным делом которых было духовное и нравственное совершенствование, борьба с грехами, пороками и страстями. Их наука о душе основывалась на внутреннем опыте, описание которого у разных авторов, при наличии индивидуального своеобразия, весьма сходно, что позволяет говорить об общих принципах и закономерностях этого душевного опыта. Это и составляет содержание православной науки о душе — психологии, одним из существенных разделов которой является учение о страстях, их зарождении в душе, предупреждении и борьбе с ними» (Флоренская Т. А. Диалоги о воспитании и здоровье: духовно-ориентированная психотерапия // «Духовно-нравственное воспитание», № 3, 2001, с. 5).

«Исход»

Предупреждение Достоевского осталось для русской интеллигенции («интеллигентщины», как переделывал это слово Сергей Булгаков) предупреждением, услышанным слишком поздно. Кто и как только не играл в революцию, пока «беспощадный русский бунт» (Пушкин) не обернулся *личным* страданием и напряженными размышлениями, оставшимися на страницах дневников, а также воспоминаний. В плане наших задач именно дневниковые записи дают особенно важный материал для анализа, поскольку в них зафиксированы моменты *развития* мысли. Воспоминания – это в любом случае литературная обработка, некоторый итог, подведенный на момент самих воспоминаний.

В записях Сергея Булгакова ясно видно такое различие. Ко времени начала революции Булгаков – профессор, юрист, философ. В 1918 году неожиданно для многих он принял священнический сан. В 1922 году Булгаков был выслан советским правительством из России наряду со многими известными философами-«идеалистами»: Ильиным, Бердяевым, Франком и другими.

Десять лет своей взрослой и сознательной жизни Булгаков был марксистом. Историю «выздоровления» можно проследить по его воспоминаниям. Другую историю – мучительные размышления о православии и католицизме – сохранили дневниковые записи, сделанные на корабле по пути в Константинополь (Стамбул) и в первый период трудных поисков средств существования на чужбине.

Ко времени революции у Булгакова, в отличие от большей части «интеллигентщины» уже не было иллюзий по поводу нового строя.

«Возвращаясь к своим собственным судьбам в “интеллигентщине”. Я оказался ею отравлен через такое привитие этого яда, которому я бессилён был оказать противодействие. <...> Я находился в известном смысле в состоянии первоначальной невинности, святого варварства. Когда же столкнулся с ревизионным сомнением, которое порождалось во имя культуры и свободы, я оказался перед ним совершенно беззащитным, да и обнаженным. <...> Я оказался отрочески беспомощен перед неверием и в наивности мог считать (на фоне, конечно, и своего собственного отроческого самомнения), что оно есть единственно возможная и существующая форма мировоззрения для “умных” людей. Мне нечего было противопоставить и тем защититься от нигилизма»⁶⁰.

Эти десять лет нигилизма Сергей Булгаков называет «духовно обморочным состоянием». «Очевидно, мне предстояло изжить до дна всю пустоту интеллигентщины и нигилизма, со всей силой удариться об эту каменную стену, отчего почувствовалась наконец невыносимая боль»⁶¹. Он называет неверие нигилизма верой своего рода и замечает: «Человек есть вообще *верующее* существо, призванное к вере и к жизни по вере. Но не все сознают это с равной степенью ясности»⁶². На грани юности проявился душевный кризис, связанный с потерей веры, доводящий до мыслей о самоубийстве. «Мне шел 24-й год, но уже почти десять лет в душе моей подорвана была вера, и, после бурных кризисов и сомнений, в ней воцарилась религиозная пустота. Одновременно с умственным ростом и научным развитием душа неудержимо и незаметно погружалась в липкую тину самодовольства, самоуважения, пошлости»⁶³.

⁶⁰ Сергей Булгаков. Православие. М.: Фолио, 2001, с. 297.

⁶¹ Там же, с. 298.

⁶² Там же, с. 299.

⁶³ Там же, с. 301.

Помощь пришла от сильных эстетических переживаний красоты природы и художественных произведений. Попав в Дрезден и будучи еще марксистом, он, потрясенный, молился у Сикстинской Мадонны Рафаэля... В дневниковых записях, относящихся ко времени изгнания, Сергей Булгаков рассказывает, как он стремился вновь увидеть *Сикстину*, и как был разочарован этой встречей: он ясно увидел, что это *живопись*, а не икона. Но в ту первую встречу впечатление было ошеломляющим:

«Это не было эстетическое волнение, нет, то была *встреча*, новое знание, *чудо*... Я (тогда марксист) невольно называл это созерцание *молитвой* и всякое утро, стремясь попасть в Zwinger⁶⁴, пока никого еще там не было, бежал туда, пред лицо Мадонны, “молиться” и плакать...»⁶⁵.

Детская вера, память предков и родная российская земля помогли молодому профессору преодолеть ту пропасть, в которую загнал его нигилизм.

«Осень. Уединенная, затерянная в лесу пустынь. Солнечный день и родная северная природа. Смущение и бессилие по-прежнему владеют душой. И сюда приехал, воспользовавшись случаем, в тайной надежде встретиться с Богом. И здесь решимость моя окончательно меня оставила... Стоял вечерню бесчувственный и холодный, а после нее, когда начались молитвы “для готовящихся к исповеди”, я почти выбежал из церкви, “изшел вон, плакался горько”. В тоске шел, ничего не видя вокруг себя по направлению к гостинице и опомнился... в келье у старца»⁶⁶.

Старцы на Руси всегда были авторитетом в духовных вопросах и зачастую последней надеждой в сложной жизненной ситуации. «Меня туда привело: я пошел совсем в другом направлении вследствие своей всегдашней рассеянности, теперь еще усиленной благодаря подавленности, но, в действительности, – я знал это тогда достоверно, – со мной случилось чудо <...> Я вышел от него прощенный и примиренный, в трепете и слезах, чувствуя себя внесенным словно на крыльях внутрь церковной ограды...»⁶⁷

Период с 1917 по 1922 год Сергей Булгаков восстанавливает по памяти. Записи датированы мартом 1923 года, Царьград (Константинополь): «То важное, дивное и страшное, чему суждено было стать свидетелями и участниками людям нашего поколения, каждым испытано и пережито по-своему»⁶⁸.

Мы еще не раз вернемся к этому переломному периоду в русской истории, чтобы посмотреть на него глазами разных его участников – по дневниковым записям. Нас волнуют не экономические, военные либо какие-то другие процессы, а то, что происходило с *представлениями* о происходящих внешних изменениях на уровне личности. «Индивидуальность есть как бы окно, чрез которое зрится поток жизни, и личная судьба есть рамка, в которой она оформляется»⁶⁹.

Революция стала огромным испытанием для прочности *устоев*, т. е. представлений о нравственных нормах поведения. Стихийные процессы, вовлекающие огромные массы людей, оказывают естественное воздействие на индивидуальность. Ритм толпы стремится захватить и подчинить себе индивидуальные ритмы. Сопротивляться этому напору трудно, почти невоз-

⁶⁴ Цвингер – название картинной галереи в Дрездене.

⁶⁵ Сергей Булгаков. Православие. М.: Фолио, 2001, с. 304.

⁶⁶ Сергей Булгаков. Православие. М.: Фолио, 2001, с. 306.

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ Там же, с. 312.

⁶⁹ Там же, с. 312.

можно. Записи Сергея Булгакова, относящиеся к периоду первой русской революции, позволяют увидеть *процесс* подчинения и освобождения человека от власти толпы.

«В подготовке революции 1905 года участвовал и яг как деятель Союза Освобождения, и я *хотел* так, как хотела и хочет вся интеллигенция, с которой я чувствовал себя в разрыве в вопросах веры, но не политики. <...> И так шло до 17 октября 1905 года. Этот день я встретил с энтузиазмом почти обморочным, я сказал студентам совершенно безумную по экзальтации речь (из которой помню только первые слова: “века сходятся с веками”) и из аудитории Киевского Политехнического мы отправились на площадь (“освобождать заключенных борцов”). Все украсились красными лоскутками в петлицах, и я тогда надел на себя красную розетку, причем, делая это, я чувствовал, что совершаю какой-то мистический акт, принимаю род посвящения. На площади я почувствовал совершенно явственное влияние антихристового духа: речи ораторов, революционная наглость, которая бросилась прежде всего срывать гербы и флаги, – словом, что-то чужое, холодное и смертоносное так оледенило мое сердце, что, придя домой, я *бросил свою красную розетку в ватерклозет*. <...> Я постиг *мертвящую* сущность революции, по крайней мере русской, как воинствующего безбожия и нигилизма»⁷⁰.

Получив такую «прививку» от революции в России, понимая, прогнозируя ее разрушительный характер, Сергей Булгаков уже не мог быть захвачен революционными «вихрями» 1917 года, хотя и понимал глубину происходящих в стране процессов, предшествовавших революции: «Россия экономически росла стихийно и стремительно, духовно разлагаясь»⁷¹. Он сам отслеживает момент, когда обаяние толпы, празднующей февральскую революцию, на время захватило его, и как именно миг внутреннего *согласия* включает в толпу:

«Был момент малодушия, когда я захотел выдавить из себя радость, слиться с народом в его “свободе”. <...> Я шел по Остоженке в народном шествии в день парада и пьянил себя. Однако этого хватило на полчаса и ничего не вышло кроме омерзения. <...> А между тем кругом все сходило с ума от радости, и как я ни сторонился в эти страшные дни, но и мне приходилось попадать в круги профессионально радующихся»⁷².

Трудно ходить «мрачным Гамлетом» среди толпы, охваченной другими чувствами. Для сопротивления напору толпы нужна огромная внутренняя сила, коренящаяся в работе по *осознанию* происходящих процессов и в ясном понимании и искреннем принятии истинных ценностей, противоположных революции.

⁷⁰ Там же, с. 316–317.

⁷¹ Там же, с. 323.

⁷² Там же, с. 334.

Петербургские дневники

Излечение от романтики революции, которой интеллигенция в России была увлечена практически повсеместно, происходило, когда под удар попадали главные ценности личности. Для Зинаиды Гippiус, жены Дмитрия Мережковского, известной в свое время поэтессы, этими ценностями оказались культура и вообще сама возможность поддержания и сохранения жизни. До революции самые блистательные российские умы с увлечением играли в идеи революционного преобразования общества⁷³. И вот дневниковая запись З. Гippiус от 8 февраля 1918 г.:

«Мы же, вот мы, сознательные люди России, – мы бессильны и рабы, и потому виноваты совершенно так же. Сознание без силы – ничто, хуже, чем ничто. Даже гибель не искупает вины *знающих и не делающих так*. <...> Вчера на минуту кольнуло известие о звероподобном разгроме Михайловского и Тригорского (исторических имений Пушкина). Но ведь уничтожили и усадьбу Тургенева, осквернили могилу Толстого...»⁷⁴

Слова о «знающих и не делающих» – вольное цитирование Нового Завета. Если записи до февраля 1917 года наполнены ожиданием изменений, а большевики, как малозначительная сила, едва упомянуты, то теперь происшедшее вызывает сожаление (раскаяние) о том, что ум, знания интеллигенции не стали делом, а остались лишь разговорами.

Особенность дневниковых записей, в отличие от воспоминаний, состоит в том, что здесь каждый день фиксируется своим итогом, своею мыслью, и часто (особенно в период социальных потрясений) противоречит мыслям, высказываемым ранее. Дневник позволяет увидеть момент *развития* мысли и вообще картины происходящих событий.

И в «тетрадах» З. Гippiус, и в дневниковых записях ее современницы Анны Ахматовой сохранились свидетельства об ужасном послереволюционном холоде и голоде в Петрограде. Обе поэтессы особенно страдают от отсутствия света. З. Гippiус несколько раз с досадой вспоминает «декретное» время. Запись от 18 мая 1918 г.: «Нынче, во второй раз, электричество стало гаснуть в 12 ч. А так как большевики переводят сегодня часы на 2 ч. вперед (?!), то, значит, в 10 часов. Веселая жизнь»⁷⁵. По более поздним записям (особенно в дневниках Ахматовой) видно, как любым источником света – огарком свечи или светом из окна – будут пользоваться, чтобы иметь возможность писать.

Самым тяжелым испытанием остается все, что связано с крушением надежд. По записям видна и динамика этих надежд. Сначала (до февраля 1917 года) – на демократические революционные изменения в России, затем – на то, что большевики – это случайность, которая вот-вот кончится, придет помощь от цивилизованной Европы: от Франции или Англии... Но заканчивается одна «тетрадь», другая, заполняются «вставки» в дневниковые тетради, а от Европы не приходит освобождение. Кому и когда нужна была сильная Россия? Но это мы сейчас можем видеть по прошествии стольких десятилетий и Великой Отечественной. Однако, находясь *внутри* событий, исключительно сложно составить точную картину происходящего. Скорее, период резких социальных изменений сам является проверкой всего, что было продумано.

⁷³ С. Булгаков писал: «В то время, около 1905 г., нам всем казалось, что мы-то именно призваны начать в России новое религиозно-революционное движение (позднее, когда это уже было брошено нами, это было подхвачено и опошлено декламацией Мережковского, который сделал своей теноровой специальностью ноту революция-магия). Это были своего рода «бесмысленные мечтания», которые и обличила жизнь». Там же, с. 320.

⁷⁴ Гippiус З. Живые лица. Воспоминания. Тбилиси: «Мерани», 1991, с. 361.

⁷⁵ Там же, с. 371–372.

мано, понято и как-то объединено в единую картину понимания, объяснения и прогнозирования социальных процессов. Запись З. Гиппиус от 3 мая 1918 г.:

«Немыслимо, невозможно – разобраться даже примитивным образом в нашем хаосе. Нельзя думать, нельзя чего-нибудь разумно желать, нельзя иметь точку зрения»⁷⁶.

Видимо, *такая* революция не присутствовала в *представлениях* подавляющего числа российской интеллигенции, несмотря на *знание* о предупреждении Пушкина и Достоевского, лучше понимавших и чувствовавших Россию и ее народ. «Петербургские дневники» фиксируют попытки как-то справиться с ситуацией, объяснить ее, но, главное, они показывают, насколько реальные события опережают возможность человека понять их. Отсюда путь к долго не заживающей травме. В записи З. Гиппиус от 21 мая 1918 г. присутствуют безликие «они» как слепая, неразумная сила:

«Перевели часы – на два часа вперед! Послали по деревням вооруженные банды – отнимать хлеб! Грабят так, что даже сами смеются. Нет тени примитивно-человеческого смысла в том, что делают. Все разрушили, обещали и дальше так. А печать начисто удушили. Журналиста Петра Пильского засадили в тюрьму за документальное доказательство: 14 из правящих большевиков клинически помешанные, пользовались лечением в психиатрических больницах. Топливо иссякает. Стали везде тушить электричество в 10 ч. вечера (пишу при керосиновой лампе, и она гаснет)»⁷⁷.

Заканчивается еще одна «черная тетрадь». В записях, датированных 1919 годом, появляется, хотя и отрицательная, но определенность в связи событий: «Если кто-нибудь не возвращается домой – значит, его арестовали». «Если ночью горит электричество – значит, в этом районе обыски»⁷⁸.

З. Гиппиус практически ничего не пишет о своих переживаниях, связанных с нарастающим голодом и холодом. Здесь сказываются воспитание и приоритет ценностей. Дневник точным и образным языком фиксирует то, что наблюдает сама писательница. Водораздел оценок проходит по границам нравственного идеала в том виде, в каком он сформировался у этого человека во все предшествующие годы. Этот идеал питают и поддерживают культурные ценности и образы конкретных людей, в своих поступках в это трудное время соответствующих этому идеалу⁷⁹. Запись от 9 января 1918 г.:

«Был Ив. Ив.⁸⁰, этот удивительный, гениальный... человек. Он, быть может, и гениальный ученый, но гениальностей всякого рода, и художников, и писателей, и ученых, и философов, и политиков мы знаем достаточно, немало их видывали. С совершенством же в “чисточеловечестве” я сталкиваюсь в первый раз. Этот человек – только человек настоящий, – которого от этой именно настоящести, подлинности и следует писать с большой буквы. У

⁷⁶ Там же, с. 370.

⁷⁷ Гиппиус З. Живые лица. Воспоминания. Тбилиси: «Мерани», 1991, с. 374.

⁷⁸ Гиппиус З. Живые лица. Стихи. Дневники. Тбилиси: «Мерани», 1991, с. 177–178.

⁷⁹ Вообще традиция частого, почти ежедневного отчета о происходящих событиях, фиксация результатов их осмысления в дневниковых записях в прежние годы среди образованных русских людей была очень развита. В дневниках отражено то, что действительно представляется важным для человека в тот момент, когда он делает запись. По заметкам З. Гиппиус, С. Булгакова можно видеть, насколько дорожили дневниками и как жалели, когда дневники за какой-то период терялись.

⁸⁰ Иван Иванович Манухин – врач, когда-то лечивший Горького. И. И. Манухин обращался к Горькому с просьбой спасти от «чрезвычайки» многих известных деятелей.

него, ради полноты совершенства, должны присутствовать и все недостатки человеческие»⁸¹.

И по прошествии еще одного революционного года, дневник З. Гиппиус продолжает фиксировать поиск людей, которые выдержали испытания, только оценки стали резче: «продался» большевикам «за крупу» или нет. Такая «политическая» граница может проходить *через* живых людей, даже если эти люди – Брюсов или Блок...

«Но бывают времена, когда нельзя быть безответственным, когда всякий обязан быть человеком. И я “взорвала” мосты между нами, как это ни больно. Пусть у Блока, да и у Белого, – “душа невинна” – я не прощу им никогда»⁸².

Есть граница и для физических испытаний. Ноябрь 1919-го в Петрограде: нет ни еды, ни света, ни тепла: «Дрожа, пишу при последнем свете мутного дня. Холод в комнатах туманит мысли. В ушах непрерывный шум. Хлеб – 300 р. фунт. Продавать больше нечего»⁸³. И самое, наверное, абсурдное – Дмитрий Мережковский – на рытье окопов (скоро подобного абсурда будет много, а пока – непривычно): «Диму-таки взяли на каторжные (“общественные”) работы. Завтра в 6 утра – таскать бревна... И вовсе, оказалось, не бревна!.. Несчастный Дима пришел сегодня домой только в 4 ч. дня, мокрый буквально по колено. Он так истощен, слаб, страшен, что на него почти нельзя смотреть. <...> Сегодня его гоняли далеко за город, по Ириновской дороге, с партией других каторжан, – *рыть окопы!!*»⁸⁴.

Слово найдено – «рабство», и у самой границы того, что этот человек (пока) в состоянии вынести, идет осознание главных ценностей, ради которых можно терпеть все остальное:

«Да, рабство. Физическое убиение духа, всякой личности, всего, что отличает человека от животного. Разрушение, обвал всей культуры. Бесчисленные тела белых негров. Да что мне, что я оборванная, голодная, дрожащая от холода? Что – мне? Это ли страдание? Да я уж и не думаю об этом. Такой вздор, легко переносимый, страшный для слабых, избалованных европейцев. Не для нас. Есть ужас ужаснейший. Тупой ужас потери лица человеческого. И моего лица, – и всех, всех кругом...»⁸⁵.

И еще – тревога за судьбу России. Даже после перехода границы осенью 1920 г., находясь в Варшаве, З. Гиппиус пишет о надеждах скорого освобождения от большевиков.

На грани самых суровых испытаний голодом и холодом осознается то, что объединяет с народом. Это почти безграничное *терпение* простых русских людей (воспитанное Православием). В народе оно сохранялось долгие годы после революции.

⁸¹ Гиппиус З. Живые лица. Воспоминания. Тбилиси: «Мерани», 1991, с. 359.

⁸² Зинаида Гиппиус. Живые лица. Стихи. Дневники. Тбилиси: «Мерани», 1991, с. 179.

⁸³ Зинаида Гиппиус. Живые лица, с. 209.

⁸⁴ Зинаида Гиппиус. Живые лица. Стихи. Дневники. Тбилиси: «Мерани», 1991, с. 217.

⁸⁵ Там же, с. 219.

Северная Фиваида

Этот дневник впервые опубликован в книге, подготовленной группой ученых из Института этнологии и антропологии РАН. Книга называется «Духовная культура северного Белозерья». Другое название края – «северная Фиваида». Оно происходит от названия пустынной области в северном Египте, известной своими подвижниками в первые века христианства. Европейский север России осваивали монахи. Они приходили в эти труднодоступные дебри, на скалистые берега и совершали то, что невозможно было бы сделать оружием или золотом. Учениками преподобного Сергия Радонежского Ферапонтом Можайским и Кириллом Белозерским были основаны монастыри, рядом с которыми поселялись люди и постепенно образовывались города и села.

Богат до революции был этот северный край. Плодородная земля, длинный световой день летом («белые ночи»), трудолюбие и душевная крепость живущих здесь русских людей, не знавших крепостного рабства и татарского нашествия, уважение к памяти христианских подвижников, терпением и кротостью, а не мечом покоривших край, – все это делало «Северную Фиваиду» особым, заповедным местом русской земли.

В книге собраны свидетельства пожилых жителей Белозерского края о семейных и календарных традициях и обрядах. Большинство воспоминаний относится ко времени детства и юности корреспондентов, то есть к 20 – 30-м годам XX века. В этих воспоминаниях селения Белозерского края предстают еще многолюдными и наполненными яркими проявлениями праздничной культуры. У рассказчиков особый северный говорок:

«Где праздник, вот в Кинесме Троица, все идем мы туды. В Спасов день к нам все идут. Улица не подымалисе, што народу-то, ой! Протти нельзя. Пляски, пляски, тут пляшут, тут в ланца, там в ланца, што делаэцца! Не топререшнее. Потом вечером биседы» (ж., 1907 года рождения)⁸⁶.

После революции жизнь менялась очень быстро. Неурожай, поборы, колхозы привели к обнищанию крестьян. В книге опубликован дневник Дмитрия Ивановича Лукичева из села Башки, начатый в 1920 году (27 июня н./ст.), а законченный в 1937 году.

Лукичев – настоящий крестьянин, грамотный, образованный, глубоко верующий человек. В 1920 году ему исполняется 42 года. Его первые слова рисуют характер основательный и крепкий:

«В настоящую книгу записывать все события и заметки семейной жизни, для памяти. Как для себя и для будущего поколения семейства; книга должна храниться и тщательно оберегаться от порчи и утери, записывать для памяти только то, что окажется достойным внимания и памяти, а также то, что должно быть полезным как в материальном, так и в нравственном положении; также те мудрые и нравственные изречения и пословицы, кои могут быть поучительны и полезны для самоусовершенствования себя и всех, кто их прочтет. Чувства и мысли, кои записываются, должны быть тщательно и основательно проверены и обдуманы здравым разумом»⁸⁷.

Так он и поступает. Вначале описывает свое семейство (пять дочерей и один сын), называя каждого по имени-отчеству и рядом с датой рождения указывая день Ангела. Наряду с сообщениями об урожае, упоминаниями праздников, отмечаемых в данный день, множество

⁸⁶ Морозов И. А. и др. Духовная культура Северного Белозерья: этно-диалектный словарь. М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 1997, с. 94.

⁸⁷ Морозов И. А. и др. Духовная культура Северного Белозерья: этно-диалектный словарь, М., 1997, с. 338.

изречений из Святого Писания о вере, терпении и благоразумии, помогающих ему, видимо, справиться с теми напастями, которые с каждым новым днем все больше и больше обрушиваются на крестьян и лично на Дмитрия Ивановича. Запись от 14 апреля 1921 года:

«Лед на озере тронулся. Весна ранняя, сухая, теплая, воды очень мало. Население по деревням голодает. Сеять, нет овса, семян. Советские деньги совершенно обесценились и за них ничего купить невозможно. За работы, а также купля и продажа производятся на обмен продуктов»⁸⁸.

Сельскохозяйственный календарь строится по календарным праздникам: (запись от 22 апреля того же года) «Пятница Вербной недели, весна стоит сухая...». 1-го мая подчеркнуто: «**Пасха...**», а далее – о приметах ранней весны, но ни слова о «первомайском празднике».

Новый распорядок все больше вмешивается в трудную, но веками налаженную крестьянскую жизнь. Повторяются упоминания о болезни, но и о «помощи» соседей. Сообщается о бесконечных поборах крестьян: продналог, трудовая повинность («трудгужналог»).... Запись от 7 января 1922 года:

«Рождество Христово. Продналог взыскан полностью со всего населения. С неплатильщиков взыскан в двойном размере и у некоторых лиц взяты коровы по постановлению ревтрибунала за неуплату в срок продналога, не исключая и бедняков. Невесело встречают праздник в особенности бедняки, у которых не осталось хлеба после уплаты продналога»⁸⁹.

Дмитрий Иванович поддерживает состояние своего духа мудрыми изречениями из Святого писания. Запись от 19 августа того же года:

«Преображение Господня. <...> Ищи прилежно истину. Внимательно читай, в особенности Священное Писание. Многие отрицают Бога и вообще религию. **Почему?** Потому что поняли Священное писание в материальном смысле, а многие и совершенно не знакомы со Священным писанием. Читай и понимай его в духовном смысле и помни, что догматы религии непорочны, святы и чисты, как следует быть Божественному учению и никакое другое учение социализма не заменит его»⁹⁰.

Понимание Священного писания «в материальном смысле» – это обещание построения земного рая, чему и не верит разумный крестьянин.

Остановимся на этом моменте подробнее. Из приведенных записей видно, что основная, как бы теперь сказали, «категориальная сетка», с помощью которой Дмитрий Иванович строит картину мира, оценивает происходящие события – это основы православной культуры, доставшиеся ему в наследство от предков. Сохранению и поддержанию этих основ и служит дневник, начатый человеком в полном расцвете своих лет. Крестьянин вполне владеет грамотой, что было вообще характерно для русского севера, где грамота усваивалась вместе с овладением Ветхозаветной мудростью: обучение проводилось по «Псалтири» – книге псалмов (песнопений), составленных древними иудеями (преимущественно царем Давидом, 1010 – 970 гг. до н. э.). Упоминаемые в них события давней истории Вавилонского плена помогают увидеть главное в жизни человека: «Аще забуду тебе, Иерусалиме, забвена буди десница моя» (Пс. 136. 5), т. е. если забуду свою родину духовную, «аще не предложу Иерусалима, яко в начале веселия моего» (Пс. 136. 6), то пусть тогда лишусь я правой руки («десницы») или речи («прильпни язык мой гортани моему»).

⁸⁸ Там же, с. 395.

⁸⁹ Там же, с. 402.

⁹⁰ Там же, с. 400.

Жизнь становится все тяжелее. Запись от 28 января 1922 года: «Унылое настроение у населения. Предстоит голодовка, отобран хлеб за продналоги и штрафы»⁹¹. Все чаще записи о болезни – своей и дочерей.

У Дмитрия Ивановича родился еще один сын (в дневнике записаны восприемники при крещении младенца, день Ангела мальчика по старому и новому стилю), родился и вскоре умер племянник, происходит сложный обряд сватовства и выдачи замуж одной из дочерей: «Марию сватают женихи, но все сватовства отклонены. 3. II. Сегодня вновь явились сваты. <...> Заручившись согласием обеих сторон, жениха и невесты, устроили сговор»⁹². Но до окончания сговора пришло предложение от другого жениха, – оно и было принято: «Устроено Богомолье и Мария невеста». После свадьбы хлопоты не заканчиваются: «13. II. Приготовляемся к приему молодых новобрачных и гостей, к так называемым отволинам. которые назначены в пятницу на масляной 16-го февраля»⁹³. А 11-го декабря записано: «Мария развелась с мужем <...> и возвратилась домой. Причина развода – очень грубое обращение свекрови, даже совсем невозможное, а также полная бесхозяйственность мужа и семьи»⁹⁴.

Лето 23 года все стояло сырое и холодное: «весь год должно считать сырым, дождливым и холодным, от того получился большой недород и зима обещает населению вновь голодовку»⁹⁵.

Первая запись о 1 мая («праздник рабочих») сделана в 1924 году. Упоминается «комсомольская свадьба» родственника. У Дмитрия Ивановича родилась еще одна дочь и через две недели умерла.

В 1925 году сделана всего одна запись. В 1926 году у Дмитрия Ивановича родился еще один сын и внучка. За 1927 год запись нескольких событий и ни одного упоминания праздника, а за 1928 год кроме хозяйственных записей упоминается (впервые) день рождения. Несколько записей жизненных событий в 1929 году (одно из них – поездка в Ленинград). И вот 15 февраля 1930 года: «Состоялось постановление о переходе от единоличного ведения сельского хозяйства к коллективному»⁹⁶. В течение 1931 года Дмитрий Иванович то попадает в «кулаки», то оправдывается судом и возвращается в колхоз. В 1932 году запись:

«Подрубили и уронили верх колокольни. Конец Пречистыя. С 1-го января 1932 года церковь в селе Башках перешла в ведение РИКа и перестраивается в клуб. Верх церкви снимается и назначен подрубить второй этаж. Так пришел конец Пречистыя (название церкви)»⁹⁷.

В тексте появляются речевые штампы новой эпохи: 1933 год – «впервые засветились электричеством лампочки Ильича»; 1934 год – Киров «убит выстрелом от злодейской руки». Дневник отмечает открытие клуба, первый прилет аэроплана.... Через год на Дмитрия Ивановича и сына Сергея обрушивается настоящая беда: их объявляют «вредителями». Сергея Дмитриевича отправляют в ссылку, где он и умирает в 1937 году. Этой записи предшествуют восторженные слова Дмитрия Ивановича о только что (1936 год) принятой «сталинской» Конституции. По ним видно: повторенные много раз всеми средствами пропаганды (радио и проч.), эти словесные штампы становятся как бы собственным текстом человека: «Новая Конституция является небывалой первой Социалистической Конституцией в мире, дающей рав-

⁹¹ Морозов И. А. и др. Духовная культура Северного Белозерья: этно-диалектный словарь, М., 1997, с. 402

⁹² Там же, с. 408.

⁹³ Там же, с. 409.

⁹⁴ Там же, с. 413.

⁹⁵ Там же, с. 412.

⁹⁶ Там же, с. 416.

⁹⁷ Там же, с. 418.

ные права трудящимся страны без различия национальностей, пола и т. д. Вводятся всеобщие тайные выборы. Уничтожается эксплуатация человека человеком»⁹⁸.

Так исподволь, незаметно на протяжении восемнадцатилетнего периода происходит вторжение нового времени лживых лозунгов о «правах трудящихся» взамен прежнего времени годового праздничного круга, укорененного в Ветхозаветной мудрости, которую с такой любовью цитировал этот образованный, работающий, разумный и глубоко порядочный крестьянин Белозерского края.

Ныне эти земли трудно узнать – они явно обезлюдели. Но красота и духовная мощь этих мест не исчезли, они пребывают здесь *всегда*: в Ферапонтовских фресках Дионисия, в красоте природы и в людях – добрых, кротких и светлых...

⁹⁸ Там же, с. 420.

«Кашеева цепь»

Ровесником Дмитрия Ивановича был очень хороший русский писатель Михаил Пришвин. И творчество его связано с северным краем. Первой книгой, принесшей ему известность, стала книга о путешествии по русскому северу «В краю непуганых птиц». Пришвин прожил долгую жизнь. Основа его книги «Кашеева цепь» – автобиографическая. Работая над ней, он использовал свои дневниковые записи. Но частично дневник Пришвина опубликован отдельным изданием.

Дневник писателя отразил на своих страницах те же годы перелома, что и записи крестьянина из Вашек. Есть моменты, которые буквально совпадают в этих двух дневниках. Касаются они коллективизации и слома и закрытия церквей. А вот начало заметно отличалось.

Хотя русская интеллигенция до Октябрьской революции с увлечением играла в революционное движение, Пришвина всегда отличала любовь к родной земле, природе, к простым людям. После записи от 27 февраля 1917 года: «Наступили великие и страшные дни»⁹⁹, уже 21 мая он замечает: «...и так вся Россия говорит речи, и никто ничего не делает, и вся Россия сплошной митинг людей»¹⁰⁰. И рефреном через все эти тревожные дни и месяцы проходит вопрос: «А о том, как теперь в глубине России люди живут, все еще ничего не известно»¹⁰¹. 8-го сентября Пришвин пишет: «Брошена земля, хозяйство, промышленность, семья, все опустело, все расщепилось, в десятый раз умерли всякие покойники: Тургенев, Толстой, закрыты университеты, еле-еле живут люди в городах, получая 1½ ф. хлеба в день»¹⁰². Но сам же рассказывает, что «всякие покойники» – это надежда России на выздоровление.

Рассказ такой. Настя – прислуга писателя Ремизова, друга Михаила Пришвина, приносит с базара новость: «Россия погибает» (далее – по тексту записи от 30 декабря 1917 г.):

«– Неправда, говорим мы ей, – пока с нами Лев Толстой, Пушкин и Достоевский, Россия не погибнет.

– Как, спрашивает, – Леу?

– Толс-той.

– Леу Толс-той.

Пушкина тоже заучила с трудом, а Достоевский легко дался: Пушкин, Лев Толстой и Достоевский стали для Насти какой-то мистической троицей.

– Значит, это они нами правят?

– Ах, Настя, в том-то и дело, что им не дают власть, вся беда, что не они. Только все-таки они с нами. <...>

Как-то на улице против нашего дома собрался народ и оратор говорил народу, что Россия погибнет и будет скоро германской колонией. Тогда Настя в своем белом платочке пробилась через толпу к оратору и остановила его, говоря толпе:

– Не верьте ему, товарищи, пока с нами Леу Толстой, Пушкин и Достоевский, Россия не погибнет»¹⁰³.

Читая дневниковые записи тех лет, мы видим, что русские люди словно разделились на две группы: интеллектуальную элиту и народную стихию. Революция только обнажила раскол,

⁹⁹ Пришвин М.М. Дневники. М.: «Правда», 1990, с. 78.

¹⁰⁰ Там же, с. 81.

¹⁰¹ Там же, с. 81.

¹⁰² Там же, с. 84.

¹⁰³ Там же, с. 87.

произошедший гораздо раньше. Пушкин, Достоевский, Толстой (периода «Войны и мира»), Тургенев чувствовали этот раскол и последствия его отразили в своем творчестве, тогда как о последних русских символистах Пришвин записал в своем дневнике: «Непосредственное чувство жизни своего (страстно любимого) народа совершенно их покинуло»¹⁰⁴.

Художественная литература в России всегда была больше, чем литература. Дмитрий Сергеевич Лихачев объяснял этот факт особым отношением к печатному слову, к книжности как таковой. По священным книгам в Древней Руси учились грамоте и нравственному закону. Русская литература наследовала эти нравственную и просветительскую модальности. Художественные образы соединяли разрозненные события общественной и личной жизни в единое целое, служили интерпретации и пониманию происходящего. Герой имел лицо и имя, совершал поступки по отношению к другим людям¹⁰⁵. Позднее, в идеологических приемах революционной агитации широко использовался именно язык образов¹⁰⁶.

Итак, писателю дано соединить противоречивые черты в одном герое, и через поступок героя эти противоречия разрешить. Для русской литературы всегда был характерен интерес именно к нравственному поступку, либо (как в случае с Раскольниковым) – осознанию последствий нарушения нравственного закона.

В сентябре 1917 г. Михаил Пришвин записал в своем дневнике:

«Мы теперь дальше и дальше убегаем от нашей России для того, чтобы рано или поздно оглянуться и увидеть ее. Она слишком близка к нам была, и мы о ней гадали, но не видели; теперь, когда убежим, то вернемся к ней с небывалой любовью»¹⁰⁷.

Писатель остался в России и пережил с ней много «переломных» лет. В страшном 1918 году он отметил в своем дневнике:

«Однажды поздно ночью этой зимой шел я по улице пустынной, где грабили и раздевали постоянно. Иду я и думаю: “Проскочу или не проскочу?” – совершенно один иду, и вот показывается далеко другой человек. Оружия нет со мной, а кулак на случай готовлю и держу его так в кармане, будто вот-вот выхватю револьвер. Тот, другой, приближается, всматриваюсь: книжка в руке, слава Тебе, Господи! С книжкой человек не опасен, он друг мой. Неведомый друг мой с книжкой в руке, вам пишу это письмо из недр простого русского народа»¹⁰⁸.

Находясь в родном имении Хрущево, он записал 24 сентября 1918 г.:

«Ночью на страшной высоте где-то под самыми звездами, чуть слышные, летели дикие гуси, – на мгновенье колыхнулось прежнее чувство красоты и великого смысла их перелета, а потом исчезло, как излишняя роскошь»¹⁰⁹.

Пришвин так любил природу и чувствовал землю, что в этих своих качествах не отрывался от народа, хотя по рождению и образованию, полученному в Европе, он принадлежал к высшим классам российского общества. В 1918 году ему пришлось пережить гибель сада,

¹⁰⁴ Там же, с. 111.

¹⁰⁵ Можно даже предположить, что это мышление в образах вообще характерно для русских, с их идущей из древних времен традицией понимания мира через икону. На рубеже XIX и XX веков древняя русская икона была вновь открыта для России и для мировой культуры. Князь Евгений Трубецкой назвал иконопись «умозрением в красках».

¹⁰⁶ Как «перевертыш» от иконописной традиции в советские годы использовался и бурно процветал язык карикатур.

¹⁰⁷ Пришвин М.М. Дневники, с. 84.

¹⁰⁸ Там же, с. 91.

¹⁰⁹ Там же, с. 93.

любимого им как живое существо¹¹⁰. Это Михаил Пришвин заметил особенность русских людей: под влиянием «бунта жестокого и беспощадного» не щадить природу и ничего вокруг «до основания», а потом с той же энергией кинуться восстанавливать разрушенное. Запись от 10 апреля 1918 г.:

«Издали слышатся удары топора, я иду посмотреть на человека, который так издевается над природой. Вот он сидит на огромном в три обхвата парковом дереве, очищая сучья топором, распиливает труп. Мне больно за это: я знаю, не больше как через год мысли этого человека переменятся, и он будет сажать деревья. Его мысль очень короткая, но дереву такому надо расти больше ста лет, как может он приближаться со своей короткой мыслью к этому чудному дереву»¹¹¹.

Пришвин поработал учителем географии в гимназии (в той, из которой когда-то в детстве сбегал в Америку), библиотекарем в деревне Рябинки, пережил холод и голод, эпидемии и войны. Запись от 3 января 1920 г.:

«Не то что пищи, а именно жиров не хватает; я достиг такого состояния, что все мое существо телесное и духовное зависит теперь от жира: съем масла или молока – и работаю, нет – брожу, качаюсь как былина на ветре»¹¹².

В этих испытаниях холодом и голодом писатель обнаруживает то же качество терпения почти простонародного свойства, которое отражено в дневниках Зинаиды Гиппиус и Анны Ахматовой. Настоящее страдание для русского писателя – невозможность творчества. Поэтому дневники отмечают как важные факты перебои с освещением, наличие писчей бумаги или физических сил, необходимых для работы, опасения за возможность сохранения записей. А записи содержат в себе главный итог пережитого:

«Для того, чтобы душа наша стала мудрой и глубокой, не достаточно мельком взглянуть на вселенную в тени смерти или вечности, в свете радости или в пламени красоты и любви. Такие минуты бывают в жизни каждого и оставляют его с пригоршней бесполезного пепла. Недостаточно случая – необходима привычка. Гораздо важнее *увидеть* жизнь, чем *изменить* ее, потому что она сама изменяется с того мгновенья, как мы ее увидели»¹¹³.

Этот вывод Пришвина полностью противоположен «Пятому тезису Маркса о Фейербахе», послужившему поэтизированным основанием идеологии русской революции. С идеями прогресса и переустройства мира увлеченно играл XIX век. Идеал революции, полностью противоположный нравственному идеалу русских людей, мог воплотиться в России только в сочетании многих обстоятельств, главное из которых состояло в том, что интеллигенция отошла от идеалов своего народа. И теперь, после свершившегося, русские писатели свидетельствовали: истоки всех бед человечества не в материальных отношениях. 27 мая 1921 г. Пришвин записывает:

«Разрушение пространств. Разделение на здешний мир (земной) и «тот свет» (идеальный мир) явилось от несчастья, страдания, греха, а грех – «такое действие», от которого наше умственное существо и чувствующее распадается

¹¹⁰ Образ поломанных деревьев возвращался в снах, связанных с предчувствием семейных бед: «7 декабря /1919 г./ Пошли сны: видел поломанную липовую аллею в Хрущеве и умирающего брата Сашу – в точности. И я выл.... 9 декабря. Так вот почему я выл, <...> – в эту ночь умирала сестра Лидия и в 6 ч. в понедельник 7 декабря умерла в Красном Кресте, умученная холодом и голодом» (там же с. 100).

¹¹¹ Пришвин М.М. Дневники, с. 90.

¹¹² Пришвин М.М. Дневники, с. 101.

¹¹³ Там же, с. 95.

и существуют в нашей душе как два отдельные мира. От этого наша жизнь часто представляется каким-то тяжким путем на далекое расстояние. Но бывают страсти – психические взрывы, которыми разрушается расстояние, пространство, предмет становится лицом к лицу, и мир обыкновенный – желанно прекрасным. Так бывает у влюбленных, поэтов, охотников, страстно-добрых, религиозно-любящих, удачливых игроков и дураков. (Достоевский на этом пути создал своего кн. Мышкина.)»¹¹⁴.

Герои, созданные русской литературой, подобно реальным людям и даже в большей еще степени, чем реально жившие, составляют *смысловое поле*, к которому можно обратиться, чтобы разобраться через эти образы в смысле происходящего. Хотя и шутливо замечание о «Леу Толстом, Пушкине и Достоевском» в устах прислуги, но за ним стоит большой смысл и надежда на будущее народа, у которого есть *такая* литература. 15 апреля 1921 г. Пришвин записывает:

«“Обломов”. В этом романе внутренне прославляется русская лень и внешне она же порицается изображением мертвоедейных людей (Ольга и Штольц). Никакая “положительная” деятельность в России не может выдержать критики Обломова: его покой таит в себе запрос на высшую ценность, на такую деятельность, из-за которой стоило бы лишиться покоя. Это своего рода толстовское “неделание”. Иначе и быть не может в стране, где всякая деятельность, направленная на улучшение своего существования, сопровождается чувством неправоты, и только деятельность, в которой личное совершенно сливается с делом для других, может быть противопоставлена обломовскому покою. В романе есть только чисто внешнее касание огромного русского факта, и потому только роман стал знаменит. Антипод Обломова не Штольц, а максималист, с которым Обломов действительно мог бы дружить, спорить по существу и как бы сливаться временами, как слито это в Илье Муромце: сидел, сидел и вдруг пошел, да как пошел! Вне обломовщины и максимализма не было морального существования в России, разве только приблизительное»¹¹⁵.

Роман «Обломов» из-за своей почти простонародной «хитрости» (когда утверждаются «правильные» вещи, а эмоционально-образное воздействие на читателя противоположно этим утверждениям) закрепился в учебниках, по которым обучали литературе школьников в советской России. Так и прошел образ Ильи Ильича, предпочитающего «сиднем сидеть», но не слушать бездушному «прогрессу». И намек (кроме имени героя) на былинного богатыря Илью Муромца у Гончарова есть в имени соседа по имению – Добрынина (от имени Добрыни Никитича). Из богатырской троицы не видно лишь Алеши Поповича. Это и понятно из воспоминаний современников: «поповичи», т. е. дети священников, уходили «в революцию». Самые известные из них – Добролюбов и Чернышевский, властители дум целого поколения. Отсюда и идеал революционера оказался узнаваемо похож на подвижника прошлого: полное презрение к материальным благам и к себе – до самоистязания (Рахметов, спавший на гвоздях). Отличался он «малым» – отсутствием смирения, гордостью. Гордости русские люди остерегались всегда как начала всех человеческих пороков. Недаром Достоевский в своей речи о Пушкине произнес так поразившие слушателей слова: «Смирись, гордый человек». Гордость была первоначальным изъяном Раскольникова, позволившим ему принять помысел о возможности одного

¹¹⁴ Там же, с.110–111.

¹¹⁵ Там же, с. 110.

человеческого существа решать, достойно ли жизни другое человеческое существо. Революция была, прежде всего, воплощением этой мысли.

Пришвин замечал и положительное в революции. Подобно буре, она разрядила то напряжение, которое уже накопилось в российской жизни, и дала чувство освобождения, открывая перед людьми новые возможности. 27 апреля 1922 года Пришвин записывает:

«Из Москвы я привез настроение бодрое и странно встретился этим с провинциальной интеллигенцией: откуда им-то взять бодрости среди всеобщей разрухи. Я им говорю, что разруха пройдет, нельзя связывать свою судьбу с преходящим, а верьте, будут отыскивать следы возрождения, которое несомненно же есть в народе. Это умственно верное заключение они обходят молчанием, упираясь в стены мрачной действительности...»¹¹⁶.

«Мрачная действительность» открылась для писателя в «год великого перелома». Как и в Вологодских землях (дневник крестьянина Дмитрия Ивановича), так и на всей территории страны происходило зримое проявление «идеологической войны» – разрушались храмы и не только храмы.

Пришвин записал в своем дневнике в Рождественский Сочельник 6 января 1930 года:

«Сочельник. Со вчерашнего дня оттепель после метели. Верующим к Рождеству вышел сюрприз. Созвали их. Набралось множество мальчишек. Вышел дефективный человек и сказал речь против Христа. Уличные мальчишки радовались, смеялись, верующие молчали: им было страшно сказать за Христа, потому что вся жизнь их зависит от кооперативов, перестанут хлеб выдавать – и крышка! После речи своей дефективное лицо предложило закрыть церковь. Верующие и кое-какие старинные: Тарасиха и другие, – молчали. И так вышло, что верующие люди оставили себя сами без Рождества, и церковь закрыли. Сердца больные, животы голодные и постоянная мысль в голове: рано или поздно погонят в коллектив». Запись Пришвина от 16 января того же 30-го года (года «перелома»): «Сколько лучших сил было истрачено за 12 лет борьбы по охране исторических памятников, и вдруг одолел враг, и все полетело: по всей стране идет теперь уничтожение культурных ценностей, памятников и живых организованных личностей»¹¹⁷.

Не замечать происходящее для человека умного и наблюдательного было невозможно. Но если для крестьянина, как было видно из дневниковых записей Дмитрия Ивановича, опасность подчинить свою свободу новым лозунгам состояла в частоте их повторения во всех доступных государству средствах «идеологического воздействия» – прежде всего, радио, через громкоговорители вторгавшегося в мыслительную жизнь граждан, то для писателя был другой искуc. Это то, что, как показали уже голодные годы, для него важнее хлеба: возможность творить и печатать свои книги для читателей. Пришвина приглашают в творческую поездку на земли, когда-то вдохновившие его на книгу «В краю непуганых птиц». Идея простая: описать происшедшие за годы социалистического строительства изменения. Но одним из «изменений» был строящийся в эти годы Беломорканал. Теперь всем хорошо известно, что это была за стройка, и кто ее строил. Не заметить наметанным профессиональным взглядом эзков было очень трудно.

¹¹⁶ Пришвин М.М. Дневники, с. 113.

¹¹⁷ Там же, с. 162.

В январе 1937 г. Пришвин делает осторожную запись: «Достоевский продолжает оставаться единственным, описавшим бесов...»¹¹⁸. В романе «Бесы» речь идет о подлинных духовных истоках «революционного» права одних людей на жизнь других. Сталинские лагеря обнажили эту человеконенавистническую сущность, сделав ее очевидной.

12 июля того же года писатель отмечает в дневнике: «Начал работу над книгой «Канал». И должен выжать из нее все соки, какие в ней есть. Канал мой. Конеч: «Где же люди? Не ищите их далеко, они здесь: они отдали все свое лучшее, и их так много, что имен не упомнишь. Имена здесь сливаются в народ, как сливаются капли в падун»¹¹⁹. И после какого-то мудреного объяснения самому себе происходящего следует важное наблюдение:

«Никогда этого не было раньше: скучно одному». В русском языке слово «скучно» имеет много оттенков, один из них – тоска.

А 15 сентября записано: «“Канал” закупорил всю мою работу...

Не взяться ли за Кабарду, не отложить ли канал?»¹²⁰. Через год замечает: «Напишу и хорошо, а когда придут и скажут: “Напишите!” – что-то полоснет по душе, и рад бы уважить, а не могу.

– Постараюсь, отвечаю смущенно, – напишу.

И он рад и, прощаясь, говорит:

– Теперь я передам, вы обещали, мы ждем, непременно же напишите.

И опять я не могу. Во всякой механизации есть повелительно-принудительный момент, и он-то является губителем кустарного искусства (так и гибнет “малое” дело при наступлении “большого”)¹²¹.

19 апреля 1944 г. «Во время обеда, около 1 ч. дня передали вызов в Кремль к Калинину. Собрались как на пожар, прибыли ровно в 2.20 и пробыли у Калинина 40 минут» (с. 349). В комментариях к этой записи говорится: «Встреча с председателем Президиума Верховного Совета СССР Михаилом Ивановичем Калининым (...) произошла после получения им письма Пришвина, в котором писатель просил Калинина высказать свое мнение о «Повести нашего времени» и помочь определить судьбу этого произведения. М. И. Калинин порекомендовал Пришвину воздержаться от публикации»¹²².

«Всесоюзный староста» (так почти официально называли Калинина в прессе) обладал властью «советовать» одному из известнейших писателей того времени, каким был Пришвин, публиковать или нет свое произведение. Рекомендация обратного хода не имела: «Повесть» увидела свет только в посмертном издании писателя. Однако самый тяжелый удар Михаилу Пришвину пришлось пережить в связи с многострадальной книгой о канале. И начал эту тему он как «заказную», мучаясь, как видно по записям, потратив на работу более 10-ти лет. И самый ощутимый удар оказался связан именно с этим произведением. Опять обратимся к тексту комментариев: «Пришвин предполагал опубликовать «Осудареву дорогу» в журнале «Октябрь». По предложению редакции зимой 1949 года писатель переделывает роман <...>. Но и вторая редакция произведения не удовлетворила рецензентов, и Пришвин создает третий вариант, который не нравится ему самому. При жизни писателя этот многолетний <...> его труд так и не был опубликован; в посмертных изданиях, согласно воле автора, роман публикуется в первой редакции» (с. 475–476). Комментарии относятся к следующей дневниковой записи Михаила Пришвина от 14 декабря: «Н. объявил о “Канале”. Необходимо выдернуть всю

¹¹⁸ Там же, с. 244.

¹¹⁹ Пришвин М.М. Дневники, с. 254.

¹²⁰ Там же, с. 256.

¹²¹ Там же, с. 268.

¹²² Там же, с. 474.

географ-историческую часть и наvertеть на все другое. Это был такой удар по голове, что я заболел»¹²³.

Потому так внимательно «работали» с писателями правящие в стране силы – подкармливали, журили, «сажали», «наказывали»... Через творчество писателя, владеющего даром слова, можно ту или иную мысль, облеченную в притягательный (или отталкивающий) художественный образ, *воплотить в массы*, т. е. сделать достоянием внутреннего мира множества людей, граждан страны.

В наше время мало кто вспомнит об «Осударевой дороге» (с таким названием книга вышла уже после смерти автора). Однако писателя Пришвина помнят и любят.

Еще до начала войны, в 1941 г. Пришвин записывает в своем дневнике, что более всего он способен к «медленному накоплению любви в слове». Речь идет о том, что на требование «копить ненависть», он ничем не может ответить. Его писательский дар связан только с «накоплением любви». В другом месте он записал:

«Современный взрослый человек рано расстается со своим детством: он с 20 лет взрослый и больше ничему не удивляется. Сказка питается детством и детство здоровьем, и здоровье дается водою и солнцем. Человеку надо вернуть себе детство, и тогда ему вернется удивление и с удивлением вернется и сказка»¹²⁴.

И далее:

«К сказкам, поэзии все относятся, как к чему-то несущественному, обслуживающему отдых человека. Но почему же в конце концов от всей жизни остаются одни только сказки, включая в это так называемую историю»¹²⁵.

«Кладовая солнца» М. Пришвина – это не только детская повесть-сказка, написанная в конце войны (1945 г.), но и кладовая «любви, накопленной в слове». Семидесятилетний писатель, возможно, именно так обобщил опыт той страшной войны, а, главное, победы в ней Родины, которую Пришвин любил беззаветно.

¹²³ Там же, с. 384.

¹²⁴ Пришвин М.М. Дневники, с. 251.

¹²⁵ Там же, с. 276.

Сказка о мире и человеке

Сказке как явлению общественного сознания принадлежит особая роль в нравственном развитии подрастающего человека. «До некоторой степени сказка – это символ единства народов. Народы понимают друг друга в своих сказках. Независимо от языковых или государственных границ сказки широко переходят от одного народа к другому. Народы как бы сообща создают и развивают свое поэтическое богатство»¹²⁶. Сказки учат различать добро и зло, но учат не назидательно, а исходя из первоначальной одаренности человеческого существа безграничной свободой. Просто они говорят о том, что будет, если пойдешь налево, а не прямо, а что может случиться с маленьким мальчиком, если он не послушается и напьется воды «из копытца»... Сказки занимают, «развлекают» ум, но говорят прямо с сердцем человека языком символов.

У каждого сказочного живого существа есть свое определенное традицией место, а граница разделения та же – между добрым, светлым и злым, темным. «Мы видим здесь отождествление души злого человека с змеем и волком, образами враждебных явлений природы...»¹²⁷. В хорошей сказке всегда есть «добрым молодцам урок».

Воспользуемся образом, приведенным в книге одного из русских людей, еще в детстве пережившего эмиграцию, а потом ставшего врачом и священником:

«Я помню, как-то шёл с пожилой, горькой русской женщиной и она всё говорила, говорила, говорила только о том, как жизнь её обошла, как люди её обидели, как всё бессмысленно, как всё зло... Остановилась перед кустом колючек и говорит: “Вот вся жизнь!..” – а за этим кустом весь простор южного берега Франции: горы, а за горами широкое море, всё облитое солнцем, всё сияющее летним светом. И я помню, как я ей сказал: Вот так вы на жизнь и смотрите – только на этот колючий куст, и никогда вам не пришло в голову посмотреть через этот куст или мимо него на всю даль, в которой вы живёте, на всю эту необозримую красоту...»¹²⁸.

Народные сказки с детства приучают человека «сквозь колючки» видеть прекрасные дали.

Князь Евгений Трубецкой в своей работе «“Иное царство” и его искатели в русской народной поэзии»¹²⁹ говорит о том, что главная направленность русских народных сказок в устремленности к «иному царству», т. е. «Царству не от мира сего». Правда, он же и предупреждает, что в русской народной поэзии кроме поиска «иного царства» существует и мечта о «воровской утопии». Воплощением последней и стала русская революция. Глубочайшую мудрость жизни, данную в доступных восприятию ребенка образах, несут народные сказки.

В русской литературе есть прекрасные *авторские* сказки – наследницы сказок народных. Они проще для анализа, так как писатели оставили тексты, свидетельства, поясняющие основную мысль, идею своих произведений. «Кладовая солнца» Михаила Пришвина – хорошая детская авторская сказка.

Пусть серьезного читателя не смутит «детский» язык сказки. Во-первых, психологи только недавно раскрыли значение символических сказочных образов для своей науки, и подчас, с нашей точки зрения, излишне усложняют (мы бы сказали – заземляют и даже огруб-

¹²⁶ Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. М., 2000. с. 7.

¹²⁷ Потебня А. А. Мысль и язык. М., 2000, с.306.

¹²⁸ Антоний Сурожский. Человек перед Богом М., Паломник, 2000, с. 267.

¹²⁹ Трубецкой Е. Н. Избранное. М.: Канон, 1995, с. 386–432.

ляют) символический анализ, а образы «Кладовой солнца» такие прозрачные и ясные всем – и детям, и взрослым. Во-вторых, в этой простенькой сказке-были со старицкой мудростью Михаил Пришвин в живых образах рассказал главное о нравственном идеале русских людей. О том же говорил, только языком пламенной публицистики Достоевский, о том же писал в сложном философско-психологическом трактате Рубинштейн. Речь идет об изначальном братстве, единстве всех людей (только если это «друзья Антипыча», а не «враги»...). Сказка также нам поможет в дальнейшем перейти к одной отличительной особенности социальных представлений – к тому, что их законы построены по законам *диалектики мифа* (в лосевском смысле слова).

Хотя сказка Пришвина немножко и быль (у действующих лиц были свои прототипы – реальные девочка и мальчик), но природа в ней сказочно одушевлена, а потому явления ее прочитываются с помощью языка сказок.

Прежде всего, это солнце. Ведь если говорить о мире и человеке, как же можно не сказать о солнце – «царственном» источнике тепла и света. За мгновения до восхода начинается в природе «торжество встречи солнца». Это торжество видит человек, если он поднялся до восхода (у самого Пришвина была с детства такая привычка, она же – главная радость жизни).

Мальчик и девочка, герои «Кладовой солнца», наблюдающие восход, вышли так рано из дома по большой нужде. Дело происходит в самые тяжелые военные годы. Дети остались сиротами, но, несмотря на малый возраст (12 и 10 лет), с хозяйством справляются, а теперь они отправились на болото за клюквой. Вот и вся «житейская» канва повествования. А «сказочная» состоит в том, что Человек в полной своей свободе оказывается один на один с Миром, где добро и зло для него пока трудно различимы. «Человек» – это, конечно, не одно человеческое существо, а именно мальчик и девочка, брат и сестра. И в своем душевном единении («не было ни одного дома, где бы жили и работали так дружно...») они оказываются в состоянии самостоятельно поддерживать *свой дом*, а тот – обеспечить их существование.

Все-таки сказочный *дом* должен быть настоящим деревенским домом с огородом, двором, скотиной: «изба пятистенная, корова Зорька, телушка Дочка, коза Дереза, безымянные овцы, куры, золотой петух Петя и поросенок Хрен»¹³⁰. Но эти живые существа – давние помощники человека. Детям все налаженное хозяйство досталось от родителей. Родители, как и должно быть в мире людей, привили им навыки обращения с хозяйством. Причем девочка переняла от мамы, а мальчик – от отца. «Точно также, как и покойная мать, Настя вставала далеко до солнца, в предрассветный час, по трубе пастуха. С хворостинкой в руке выгоняла она свое любимое стадо и катилась обратно в избу. Не ложась уже больше спать, она растопляла печь, чистила картошку, заправляла обед и так хлопотала по хозяйству до ночи». День (заметьте – именно весь световой день!) ее десятилетнего братишки также был наполнен трудом, но – мужским, доставшимся в подражание отцу. «Митраша выучился у отца делать деревянную посуду <...>. Но, кроме бондарства, на нем лежит и все мужское хозяйство и общественное дело». Разный и характер у ребятишек, но Настя, как маленькая женщина, умеет выправлять братово упрямство: «Настя оглаживает его по затылку. И как только маленькая ручка сестры коснется широкого затылка брата, отцовский задор покидает хозяина».

Однако кроме *дома* – мира, полностью преобразованного, прирученного человеком, мир как таковой подчас жестко, иногда жестоко проверяет человека и обучает его основам нравственности.

В сказке Пришвина дети остаются один на один с дикой природой в момент ее особого торжества – встречи солнца.

¹³⁰ Здесь и далее цитирование сказки приводится по изданию: Пришвин М. М. Кладовая солнца. М.: Детская литература, 1976.

«И вдруг стало свежо и бодро, как будто вся земля сразу умылась, и небо засветилось, и все деревья запахи корой своей и почками. Вот тогда как будто над всеми звуками вырвался, вылетел и все покрыл особый, торжествующий крик, похожий, как если бы все люди радостно в стройном согласии могли закричать:

– Победа, победа!

– Что это? – спросила обрадованная Настя.

– Отец говорил: это так журавли солнце встречают. Это значит, что скоро солнце взойдет».

Солнце – царственный участник повествования. Появляется оно, и все вокруг оживает. Закрывается тучкой, – и вновь возвращаются холод и тревога. «Только слышался тут тягостный, щемящий и нерадостный вой». По законам сказки, мир повествования Пришвина четко поделен на дружелюбный человеку и враждебный ему. Враждебны – волк (Серый помещик с его «нерадостным воем») и болото. Вернее, не само болото как таковое; оно частично освоено теми, кто приходит сюда за клюквой, другими богатствами, а враждебна Слепая елань.

Слепая елань – это топкое место на болоте, об опасности которого, как всегда бывает в сказках, предупреждали родители. И как это бывает уже в реальной жизни, подрастающий человек сам должен уметь *узнать* трясину, отличить ее от надежной тропки. И природа дает свои сигналы-знаки, только ведь их тоже надо научиться читать и понимать. «Но случилось на небе в это время одно облачко. Оно явилось, как холодная синяя стрелка и пересекло собой пополам восходящее солнце. В то же время вдруг ветер рванул еще раз, и тогда нажала сосна, и ель зарычала». Два сплетенных между собой дерева (о них также есть запись в дневнике Пришвина) издают тревожный звук.

Но дети не слышат предупреждения. Они усвоили от родителей *знание*, но собственного *опыта* у них еще мало. А тут еще вмешиваются *чувства*. Как только над мальчиком взяло верх *упрямство* первооткрывателя и над сестренкой одержало победу чувство *обиды*, дружное их семейство *раскололось* в прямом смысле слова: они отправились по разным тропинкам.

Отрицательные чувства не приходят по одиночке. Следом за обидой девочкой овладела *жадность*, а там уж и забыла она о братишке, который остался и без корзины, и без еды. «Насте бы надо было об этом напомнить ему, но она так сама рассердилась, что вся красная как кумач, плюнула вслед ему и пошла за клюквой по общей тропе». Нашла девочка заветную «палестинку», полную клюквы, о которой говорил им отец.

Но оказалось, что к «палестинке» можно было бы пройти и той, и другой тропинкой. Девочка, как всякая женщина, наделенная осторожностью, выбрала широкую тропу, по которой прошло много людей. Так в нормальном своем развитии и бывает в жизни. Женщины – хранители традиции и защитники жизни. А узкая тропка, по которой прошли немногие, – удел мужчины-первооткрывателя.

Если бы мальчик ступал только там, где виднелись следы других людей (особая болотная трава, о которой ему говорил отец)! Но в какой-то момент он забыл отцовское предостережение и, чтобы сократить путь, ступил на место, где не было никаких следов. «Тогда серая хмарь плотно надвинулась и закрыла все солнце с его живительными лучами. Злой ветер очень резко рванул. Сплетенные корнями деревья, прокалывая друг друга сучьями, на все Блудово болото зарычали, завывали, застонали».

Слепая елань *внешне* выглядела безопасной, но это была «бездна», способная поглощать жертву в считанные минуты. «В обыкновенной елани всегда бывает видна хоть чуть-чуть водица, прикрытая белыми прекрасными купавами, водяными лилиями. Вот за то эта елань называлась Слепою, что по виду ее невозможно узнать». Бывают такие моменты в развитии

мальчиков (девочек в этой сказке ждут другие опасности), когда нужно успеть остановиться у бездны. Но Митраша «не узнал» опасности и выбрал путь через Слепую елань.

Продержаться некоторое время на поверхности мальчику помогли смекалка и некоторые охотничьи навыки. В момент смертельной опасности он сразу же вспоминает все наставления отца. И все-таки наступил миг, когда *самому*, без помощи, человеку не выбраться из беды. Такова жизненная реальность, разрешаемая в повествовании традиционным *сказочным* способом. В сказках *волшебные помощники*, как правило, звери.

Животный мир дикой природы в «Кладовой солнца» представлен двумя существами, внешне очень похожими друг на друга. Но от этой внешней похожести особенно явным становится различие. Одно существо (собака) – друг человека, другое (волк) – злейший враг. «Какой это жалобный вой! Но ты, прохожий человек, если услышишь и у тебя поднимется ответное чувство, не верь жалости: воет не собака, вернейший друг человека, – это волк, злейший враг его, самой злобой своей обреченный на гибель. Ты, прохожий, побереги свою жалость не для того, кто о себе воет, как волк, а для того, кто как собака, потерявшая хозяина, воет, не зная кому же теперь, после него, послужить».

Все-таки здесь говорится не только о животных, но и о двух состояниях: крайнего эгоизма, «воюющего от жалости к себе», и стремления «послужить другим». Первое состояние – злейший враг человека, второе – его последняя надежда на помощь.

В сказке волка звали Серый помещик, а собаку – Травка (имя, переделанное постепенно из прежнего – Затравка). Осиротела Травка после смерти хозяина Антипыча. И вот через образ «четвероногого друга» писателю удастся сказать главную мысль, ради которой, возможно, и книга затевалась: по сути своей все люди едины как одно человеческое существо. Только самому человеку это трудно про себя увидеть: то брат с сестрою поссорятся, то супруги, которые должны представлять собою образ единства, «разведутся» на самостоятельные «половины» – вот и трудно уже встретить пример «целого» человеческого существа.

Но «друг человека» на то ему и друг, чтобы верно понимать «правду о человеке»: «Может быть, для нее, в ее собачьем понимании, Антипыч вовсе даже не умирал, а только отвернул от нее лицо свое. Может быть, она даже так понимала, что весь человек – это и есть один Антипыч с множеством лиц. И если одно лицо его отвернулось, то, может быть, скоро ее позовет к себе опять тот же Антипыч, только с другим лицом, и она этому лицу будет также верно служить, как тому...».

Травке дано «чувять беду человеческую». Собака подошла к рыдающей Насте, когда та опомнилась, что брата нет рядом. Но главная встреча произошла у Слепой елани. «Что думала Травка, глядя на маленького человечка в елани, можно легко догадаться. Ведь это для нас мы все разные. Для Травки все люди были как два человека – один Антипыч с разными лицами и другой человек – это враг Антипыча. Вот почему хорошая, умная собака не подходит сразу к человеку, а остановится и узнает, ее это хозяин или враг его».

«Врагом человека» в книжке названо только одно живое существо – волк. Но реальность такова, что у единого со многими лицами «Антипыча» действительно могут быть враги. Сцена узнавания: враг или не враг это человеческое существо, тонущее в болоте, многое говорит юному читателю о высоких законах, управляющих миром и человеком.

«Глаза у маленького человека были сначала тусклые, мертвые, но вдруг в них загорелся огонек, и вот это заметила Травка. “Скорее всего, это Антипыч”, – подумала Травка».

Выбор ее решило *слово*, произнесенное маленьким человеком. Находясь в отчаянном положении, он напряг всю свою память и смог произнести *имя* собаки, каким назвал ее Антипыч в самом начале – Затравка.

«Ни гром, ни молния, ни солнечный восход со всеми победными звуками, ни закат с журавлиным обещанием нового прекрасного дня – ничто, никакое чудо природы не могло быть больше того, что случилось сейчас для Травки на болоте: она услышала слово человеческое

– и какое слово!». По произнесенному слову, по имени своему, данному Антипычем, Травка «узнала» в маленьком человеке своего хозяина и, не без человеческой хитрости и смекалки маленького «Антипыча», помогла тому выбраться.

Человек – это существо, обладающее даром *слова*, тот, кто *дает имена*. Весь мир дан ему в управление и царствование. Когда человек вспоминает об этом, ему начинает служить природа, а он достойно царствует в ней. Так и в этой сказке: собака помогла мальчику выбраться из трясины, а он освободил ее от самого заклятого врага – своего и всех друзей «Антипыча». С одного выстрела этот десятилетний мальчик уложил Серого помещика, гнавшегося за собакой. Человеку дана власть наводить порядок в своем царстве, чтобы стало оно царством любви, а не ненависти.

«Очень может быть, что тот Антипыч, как Травка его понимает, или, по нашему, весь человек в древнем прошлом его, перешепнул своему другу – собаке какую-то свою большую человеческую правду, и мы думаем, эта правда есть правда вековой суровой борьбы людей за любовь».

О многом еще поведал мудрый писатель в своей сказке-были. И о том, что с малого разногласия между людьми начинается большая беда, о том, что, поддавшись одному негативному чувству, человек открывает путь в свое сердце другим плохим чувствам. И вот уже хорошая девочка забывает (на время, конечно) о своем брате! «Бывало, раньше дома часу не поработает Настенька, чтобы не вспомнился брат, чтобы не захотелось с ним перекликнуться. А вот теперь он ушел один неизвестно куда, а она и не помнит, что весь хлеб-то у нее, что любимый брат там где-то, в темном болоте, голодный идет. Да она и о себе самой забыла и помнит только о клюкве, и ей хочется все больше». (Так потом Настенька сокрушалась о своей жадности, что всю собранную клюкву отдала детям, эвакуированным из Ленинграда). Еще сказка показывает, как все взаимосвязано в природе: птицы приветствуют восход солнца, деревья тревожно шумят о детях, оказавшихся в опасности.

И еще сказка говорит: в жизни есть и опасная, трудно различимая неопытным взглядом бездна Слепой елани, и «палестинка», полная «сладкой ягоды» («сладкой», конечно, лишь в сравнении с осенней клюквой, не схваченной морозом). И в реальной жизни они часто соседствуют рядом, нужно только не сбиться с тропинки и идти там, где следами других людей, прошедших прежде, отмечено: здесь есть путь.

Знание о нравственных законах для всех поколений людей подобно этим тропкам, ведущим в обход Слепой елани к «палестинке», а далее – «на большую Переяславскую дорогу».

Образ мира и человека в этой нехитрой сказке во многом напоминает образ Человека и Мира (в философской работе с таким же названием «Человек и мир») младшего современника Михаила Пришвина Сергея Рубинштейна.

Русские люди, получившие образование в дореволюционной России, стремились сохранить и передать новым поколениям тот идеал, на котором они сами были воспитаны и имели возможность отразить его в своем творчестве, будь то сложнейший философский текст *главной* книги С. Л. Рубинштейна, над которой он (судя по его дневниковым записям) работал всю жизнь и которая увидела свет только спустя 13 лет после его смерти, или «простенькая» сказка.

Так в мир, который десятилетиями пытались перестроить по законам вражды, подозрительности и ненависти, входили эти (и другие немногие) работы, утверждавшие любовь человека к человеку и ответственность человека перед миром. И каждый утверждал эту истину на доступном ему языке. Писатель – на языке словесных образов. Ученый – на языке понятий и суждений.

Глава II

Крестьянский идеал

В предыдущей главе много говорилось о том, *как* менялся или сохранялся нравственный идеал у русских людей. Рассказывалось об этом на конкретных примерах: писателей, ученых, представителей других *сословий*. Но пока недостаточно было сказано о самом нравственном идеале.

Кто же, какие люди или класс людей могут выражать представления русских о нравственном идеале? Еще лет десять назад в общественном российском сознании присутствовало убеждение, что таким выразителем является *интеллигенция*, лучшие ее представители. Называлось имя Дмитрия Сергеевича Лихачева и еще несколько имен.

Дмитрий Сергеевич родился в 1906 году. Он был блестящим ученым и бесстрашным человеком, способным громко, в печати заступиться за попираемые национальные и культурные ценности, несмотря на то, что в студенческие годы он пережил репрессии и с 1928 по 1938 был в лагерях (в Соловецком и Беломорско-Балтийском).

Почти пять лет прошло с того дня, когда Дмитрия Сергеевича не стало¹³¹. Найдутся ли еще имена, которые также почти безоговорочно многие, живущие в современной России, согласно назовут выразителем нравственного идеала? Люди высоко нравственные и духовные, конечно, есть, – в противном случае и судьба страны нашей была бы под вопросом. Существует в народе такое выражение: «не стоит село без праведника», т. е. если в селении, городе, стране нет ни одного праведного человека, то эти общности нежизнеспособны. Но когда речь заходит о конкретном лице, которое многие согласны принять за образец, воплотивший нравственный идеал народа, то на этот вопрос, пожалуй, ныне нет ответа. Собственно, то, о чем мы собираемся рассказать в этой книге, может служить частичным ответом. Частичным потому, что исследование *социальных представлений* предполагает выявление корпоративной специфичности представлений тех или иных социальных групп населения, отличающихся по возрасту, роду занятий, социальному статусу и т. п.

Однако в России всегда существовала общность, являющаяся выразителем национальных идеалов, правда, не всегда осознававшая себя в этой роли. Речь идет о крестьянах. Собственно, задачей интеллигенции – *разума нации* и было проведение работы по осознанию тех ценностей и смыслов, которые были накоплены русским народом.

¹³¹ Этот день – 30 сентября, посвящен памяти святых мучениц Веры, Надежды, Любви и их матери – Софии.

Мир русской деревни

В прошлые века само слово *народ* в обыденном понимании означало прежде всего крестьян: дореволюционная Россия была аграрной страной, где большинство населения, включая помещиков, жили в деревне и имели отношение к земледельческому труду. И где рядовой состав армии также был из крестьян, а значительная часть работников фабрик и заводов составляли также крестьяне, приходящие на сезонный заработок.

Да и не в том только дело, что по количественному составу крестьяне преобладали над всеми другими российскими сословиями. Главное в том, что они испокон века, невзирая на исторические бури и потрясения, сохраняли и поддерживали в своей среде высокий образ нравственного идеала русских людей. Здесь та *почва*, которой питался не только выращиваемый крестьянами хлеб, но напитавшись которой, и наши писатели становились *русскими*, обретая способность участвовать в создании удивительной, неповторимой *русской литературы*. История становления гения Пушкина – одно из самых ярких тому доказательств.

В только что ушедшем XX веке группа сильных и хороших писателей в советской тогда России получила даже название *деревенщики*. Это те, кто рос и воспитывался в деревне, потом учился в городе, приобрел известность как писатель и *вспомнил* о своей малой родине, о земле, на которой вырос.

Валентин Распутин создает повесть «Прощание с Матерой», посвященную затопленному (в связи со строительством Братской ГЭС) Приангарью; Федор Абрамов – роман «Пряслины», о судьбе русского Севера; Виктор Астафьев – «Царь-рыбу», о Сибирских землях и реках, Владимир Белов – книгу «Лад»: размышления о нравственных ценностях и народной эстетике, основанные на детских воспоминаниях мальчика из Вятских земель... Нам представляется, что появление этих и еще многих других писателей-«деревенщиков» является тем положительным, что все-таки дала революция. Из деревни вышло в большую литературу поколение сильных, талантливых писателей, которые не понаслышке знали и голод, и тяжелый труд, несправедливость, пережили испытания, выпавшие на долю многострадальной деревни. Им удалось в художественных образах выразить многое, что сердцем почувствовали они на родной земле. Словно так *попрощались* они с нею («Прощание с Матерой»), *полюбовались* на нее («Лад»), поделились осознанием того, что и земля, и тайга, и речные воды зависят от соблюдения человеком *нравственного закона* («Царь-рыба»), что способна земля поддержать тружеников, но силы ее и людей, которые трудятся на ней, не бесконечны, *крестьянство* истощено почти до предела («Пряслины»).

И ученый-этнограф Мария Михайловна Громыко признается в своей книге «Мир русской деревни», что одной из причин, заставивших ее взяться за эту тему, является благодарная память о крестьянах Сибири, где прошло ее детство. М. М. Громыко замечает:

«Справедливость требует признать, что были и есть в советской гуманитарной науке авторы, а то и даже целые направления, исследования которых убедительно раскрыли разные стороны богатой духовной жизни крестьян. <...> Но такие труды выходят малыми тиражами, скрыты в очень специальных научных изданиях, рассыпаны по крупницам в разных областях науки. Громко опротестовали шельмование деревни сами крестьяне, ставшие большими писателями, гордостью русской литературы. Они вывели на свет главное – тонкий душевный мир человека из деревни»¹³².

¹³² Здесь и далее указываются страницы по изданию: Громыко М. М. Мир русской деревни. М.: «Молодая гвардия», 1991, с. 7.

Говорит Громыко и о «раскрестьянивании», происходившем на протяжении практически всех советских лет. Ее работа, к которой мы будем часто обращаться, посвящена культуре русских крестьян XVIII–XIX веков.

В самом конце XX века Институтом этнологии и антропологии РАН выпущен обширный и фундаментальный труд «Русские», где одна из глав называется «Духовная культура», включающая в себя раздел «Традиционный нравственный идеал и вера». М. М. Громыко, подготовившая этот раздел, отмечает:

«Основы нравственности формируются у каждого народа в течение длительного времени, и результаты этого процесса составляют важнейшую и обширную часть духовной жизни. Нравственные ценности, тесно соединяясь с другими сторонами культуры, служили необходимой основой для многих и многих представлений и действий, взаимоотношений и творчества. Эта основа народной культуры включает уважительное отношение к старшим, заботу о стариках, детях, беспомощных родственниках; трудолюбие, совестливое отношение к труду; понятия чести и долга; твердость в выполнении взятых на себя обязательств и многое другое. Все связано между собой в единой, цельной системе нравственных понятий»¹³³.

Исследование М. М. Громыко русской деревни XVIII–XIX веков основывается на многолетней работе в фондах 16-ти архивов страны. Она пишет:

«Сохранилось и лежит в архивах (а иные материалы опубликованы еще в прошлом веке) множество описаний современников, подробнейших ответов на программы различных научных обществ, решений общинных сходов, прошений, писем и других документов, по которым можно очень подробно представить жизнь старой деревни»¹³⁴.

В связи с дальнейшим изложением следует сделать необходимое пояснение, касающееся темы нашей книги.

Все, что перечислила М. М. Громыко в качестве объектов изучения для своей науки (этнографии, антропологии), в то же время может быть объектом изучения психологии (этнопсихологии, исторической психологии). Нам представляется, что здесь речь идет об области, где пересекаются границы разных наук. И именно эти пограничные области (по мысли, высказанной в свое время академиком Несмеяновым) является наиболее эвристичными для развития науки в целом.

В данном случае этнология и этнопсихология не находятся в равноправном положении. Мы отдаем себе отчет в том, что этнография, с ее наработанными за века традициями и опытом, владеет самыми широкими возможностями в охвате этнографического материала, содержащегося в исторических документах, письмах. Среди источников достоверных сведений об обычаях наших предков, живших в конце XIX начале XX веков в разных регионах России, одно из главных мест занимают материалы, собранные тенишевским Этнографическим бюро. Эти уникальные материалы могут по праву рассматриваться как энциклопедия русской традиционной культуры. Князь В. Н. Тенишев основал Этнографическое бюро с целью сбора этнографических сведений о крестьянстве и горожанах. Были созданы программы сбора сведений с помощью внештатных корреспондентов. Реализована была «крестьянская» программа. Архив хранится в Российском этнографическом музее.

Особо следует остановиться на «корреспондентах». Ими были грамотные люди, жившие в данной местности. Как правило, они не были непосредственными участниками крестьян-

¹³³ Русские. М.: «Наука», 1997, с. 653–654.

¹³⁴ Громыко М. М. Мир русской деревни. М.: «Молодая гвардия», 1991. С. 8.

ского быта (среди более полутора сотен корреспондентов было всего несколько крестьян), но они были *свидетелями* особенностей жизни крестьян. Исследователи архива И. Г. Киселева и Б. М. Фирсов называют такой способ сбора данных *методом включенного наблюдения*¹³⁵. В описаниях содержатся интересные детали, жанровые сценки и т. п., представляющие самостоятельный интерес для психологического анализа.

Кроме этой, наиболее известной психологам Программы, существуют также архивы Географического общества и многие другие фонды, требующие кропотливой и квалифицированной работы с ними. И работу эту тщательно и самоотверженно ведут профессионалы – историки и этнографы.

Что касается книги М. М. Громыко «Мир русской деревни», то ко всему добавляется лично окрашенное доверие автору, заявляющему: «...я готова за каждую строчку в ней нести ответ перед самым искушенным в исторических изысканиях профессионалом»¹³⁶. Эту работу отличает широта охвата материала: от особенностей хозяйственной деятельности русского крестьянства на протяжении XVIII–XIX веков до ярких проявлений народной празднично-игровой культуры.

С такой широтой связано и второе наше отступление. Задача психологии, в частности, социальной психологии, состоит в том, чтобы максимально полно учитывать контекст – исторический, культурный, хозяйственный и др., в котором осуществляется деятельность человека, взаимодействие социальных слоев и групп. Однако сложившиеся методы психологического исследования для точности обработки данных требуют максимально абстрагироваться от такой конкретики. Обращение к работам и обобщениям, сделанным в смежных с психологией дисциплинах, позволяет вновь обрести те «детали», «мелочи», в которых очень часто содержится самое существенное для характеристики этноса (позднее мы вернемся к этой мысли, когда обратимся к работам японских психологов, успех которых во многом связан с вниманием к таким «мелочам»).

Обращение к архивным источникам позволяет исследователю развенчать некоторые представления о русском крестьянстве, прочно утвердившиеся в массовом сознании посредством учебников советского периода и других изданий. Это касается представления о «забитости» крестьянина, обусловленной «многолетним крепостным рабством». Громыко пишет: «Крепостные крестьяне составляли по стране в целом 34 процента населения. <...> Это сведения десятой ревизии, то есть переписи 1858 года. <...> В европейской части России крепостные крестьяне занимали 37 процентов населения, за Уралом их почти совсем не было. В составе крестьянства крепостные составляли половину (с колебанием примерно от 30 до 70 процентов по разным губерниям центра Европейской России)». Еще более определенно на протяжении всей книги она говорит о необоснованности утверждений о «забитости» русского крестьянства¹³⁷: «Прежде всего сам земледельческий труд – основа всей жизнедеятельности крестьянства – требует обширных познаний и большой квалификации в проведении разнообразных работ»¹³⁸.

Вся практика крестьянского хозяйства отличалась гибкостью, приспособляемостью к конкретным условиям и вниманием к тончайшим деталям в обработке почв, в уходе за культурами, в сборе урожая. М. М. Громыко говорит об обширном и длительном коллективном опыте земледельцев, приспособленном к конкретной местности и постоянно проверяемом и улучшаемом опять-таки коллективно.

¹³⁵ Фирсов Б. М., Киселева И. Г. Быт великорусских крестьян-землепашцев. Описание материалов Этнографического бюро князя В. Н. Тенишева (на примере Владимирской губернии). СПб, 1993.

¹³⁶ Фирсов Б. М., Киселева И. Г. Быт великорусских крестьян-землепашцев, с. 9.

¹³⁷ Автору, детство которого прошло в сибирской деревне (о чем вспоминает М. М. Громыко), с подобной забитостью просто не было возможности встретиться.

¹³⁸ Фирсов Б. М., Киселева И. Г. Быт великорусских крестьян-землепашцев, с. 12.

Наполненной жизненной силой, достоинством, умением трудиться и радоваться предстает русская деревня в этих архивных свидетельствах: «При благоприятных условиях уборка сена считается одною из приятнейших сельских работ. Время года, теплые ночи, купанье после утомительного зноя, благоуханный воздух лугов, – все это вместе имеет что-то обаятельное, отрадно действующее на душу. Бабы и девки имеют обычай для работы в лугах надевать на себя не только чистое белье, но даже одеваться по праздничному. Для девок луг есть гульбище, на котором они, дружно работая граблями и сопровождая работу общей песней, рисуются перед женихами», – приводит М. М. Громыко наблюдение, принадлежащее Селиванову¹³⁹ и продолжает:

«Лучшее праздничное платье ярких расцветок на общих покосах отмечено и в материалах по Орловскому уезду (Орловской губернии). Здесь на лугу составляли хороводы, играли на гармониках и пищинках или на жалейках (тростниковые дудочки). Особенное веселье молодежи начиналось, когда копнили: сначала сгребали сено в валы в сажень высотой, а затем группами катили эти валы под общую “Дубинушку” к тем местам, где предполагалось ставить копны. <...> Сенокос продолжался дней двадцать, а то и растягивался на месяц, и соответствующий настрой сохранялся в течение всего этого времени»¹⁴⁰.

Коллективный опыт, коллективный труд, в котором при жестком закреплении типа работы каждого (женщины готовят снедь, мужчины запрягают коней и т. п.) полно раскрываются творческие силы и способность радоваться. Честный и добросовестный труд – основа нравственных устоев общества. М. М. Громыко отмечает: «Во всех делах, связанных с жатвой и уборкой, сама атмосфера дружных совместных усилий воспитывала добросовестное отношение к работе». Совместный труд цементировал семью и она выступала как единый слаженный хозяйственный организм. Наличие домашнего скота делало необходимым осуществление постоянного ухода за ним, т. е. постоянное присутствие в доме кого-либо из членов семьи. «Любая крестьянская семья должна была заботиться и о скоте, без которого русский хлебопашец не мыслил свое хозяйство»¹⁴¹.

Есть много работ, посвященных *дому* — символу единства семьи. Все эти символические элементы есть в русской избе. Один из авторов книги «Русские» (Л. Н. Чижикова) дает подробное описание этнографических особенностей строения дома у русских, проживавших в разных регионах страны, отмечая общие черты и смысловую нагрузку основных составляющих жилища:

«Примерно четвертую-пятую часть избы занимает духовая печь, широко известная как *русская*. Такие большие размеры печи практически были обусловлены той важной ролью, которую играла русская печь в жизни крестьянской семьи: в печи готовили пищу, корм скоту, пекли хлеб, мылись (в центральных Приволжских районах), печью обогревали помещение, на печи спали, сушили одежду, продукты, в подпечке зимой содержали кур. <...> По диагонали от печи всегда был расположен передний угол (*большой, святой, красный*). <...> Здесь кроме ежедневных трапез совершались праздничные свадебные церемонии, проводы рекрута, крестины и похоронные обряды. Под

¹³⁹ Селиванов В.В. Год русского земледельца. Зарайский уезд Рязанской губернии. // Письма из деревни. Очерки о крестьянстве в России второй половины XIX века. М., 1987.

¹⁴⁰ Громыко М. М. Мир русской деревни. С. 39.

¹⁴¹ Там же, с. 45.

образами всегда сидели старейшие мужчины семьи, а также почетные гости в праздники, во время свадьбы – новобрачные»¹⁴².

Изба, как живой организм, на небольшом своем пространстве (от 4 м × 4 м – до 5,5 м × 6,5 м) предоставляла места, четко закрепленные за каждой возрастной (старики – молодежь), статусной («большак», «большуха» и др.) и, как бы теперь сказали, «гендерной» группой (женский половина, мужская половина избы).

В избе хорошо освоено вертикальное измерение (полати, лежанка). Существует в ней и трансцендентное пространство, обозначенное иконами в красном углу – центр постоянной обращенности всей жизни семьи и завершения земной жизни человека (в красный угол ставят гроб с телом усопшего).

Крестьянская семья, какой она описана в книге М. М. Громыко, представляется неким земным идеалом, укорененным в вечности. Остановимся подробнее на этом описании, прежде чем перейти к тому, что традиционно относится к сфере нравственной психологии. Именно в семье коренятся нравственные основы всего общества (это утверждение аксиоматично даже для советской психологии).

«Из источников четко виден крестьянский взгляд на семью, как на важнейшее и непереносимое условие жизни каждого крестьянина», – отмечает Громыко. «Неженатый не считается у нас настоящим крестьянином, – писали корреспонденты из Ильинской волости Ростовского уезда Ярославской губернии. – На него смотрят отчасти с сожалением, как на нечто нецелое, отчасти с презрением». Холостой образ жизни считался отклонением от нормы, странностью. <...> Признание крестьянами роли семьи в материальном и нравственном благополучии человека, преемственности поколений отразилось в многочисленных пословицах, широко бытовавших по всей территории расселения русских: холостой – полчеловека <...> ...муж жене отец, жена мужу венец»¹⁴³.

Хозяйственный организм семьи был основан на четком, закреплённом веками исполнении каждым своего дела. В книге приводится запись о селе Давшине Ярославской губернии:

«Все в семействе твердо знают и опытом научены, что для счастья семейства необходимо, чтобы все повиновались одному старшему, умнейшему и опытнейшему в семействе, от которого бы зависели все хозяйственные распоряжения»¹⁴⁴.

Семья – это не только «хозяйственная» единица (о чем часто напоминали прежние учебники), а это то пространство, где живет любовь, подобно пламени в очаге, согревая весь дом. Громыко, ссылаясь на работу Иваницкого пишет:

«Сам народ признает в любви серьезное чувство, с которым нельзя шутить. На основании пословиц и разговоров с крестьянами он (Иваницкий – М.В.) утверждал, что для них “чувство любви – главный стимул, заставляющий человека трудиться и заботиться о приобретении собственности в виду будущего блага своей семьи”; “сердечные отношения между мужем и женой сохраняются до конца жизни”»¹⁴⁵.

¹⁴² Там же, с. 45.

¹⁴³ Там же, с. 170–171.

¹⁴⁴ Русские..., с. 173.

¹⁴⁵ Там же, с. 170.

Мы тоже можем добавить к этой теме то, что удалось наблюдать в подмосковной деревне еще пару десятилетий назад. Это трогательно заботливые отношения взрослых детей из крепкой (как правило, многодетной) семьи к престарелым родителям и особое отношение всего семейства к маленьким детям. Младенцам не давали плакать, лаская их, а иногда не спуская с рук. Если молодые родители заняты или устали, то у стариков всегда находились душевные силы успокоить ребенка, «поговорить» с ним на его языке (подобную картину совсем недавно удалось наблюдать в Болгарии: болгарская мать или бабушка «не дают плакать» ребенку; такова многовековая традиция).

Ребенок впитывает любовь с самых первых мгновений жизни, и, став взрослым, он сможет уже этим сердечным теплом согреть других. Так свободно и естественно *воспроизводится* национальный характер. В случае семейного несчастья, потери кормильца заботу о детях во многом брало на себя *общество*, т. е. крестьянская община. Громыко отмечает: «Мир особенно защищал обеспечение вдовы, оставшейся с малолетним сыном, видя в нем будущего хозяина»¹⁴⁶.

Особая забота была о девушках. Семья и общество оберегали этих будущих мам, даже «баловали» их как детей: до замужества девицы работали только «на себя», то есть пряли, ткали, шили, вышивали свое приданое и свою девичью одежду.

М. М. Громыко говорит о нравственных качествах, присущих крестьянам: об уважительном отношении к старшим и заботе о стариках, детях, беспомощных родственниках; о милосердии в самых разных его проявлениях, о четко организованной традиции помощи и взаимопомощи, о трудолюбии, совестливом отношении к труду; о понятии чести и долга; твердости в выполнении взятых на себя обязательств. В этнографических материалах, упоминаемых в ее работах, деревня предстает наполненной разумной организацией хозяйства, быта, теплыми и прочными семейными связями. «Крестьяне между собой связаны не только общественным пользованием, но и родственными узами: не только ближние, но и дальние родственники интересуются судьбой семьи, и каждый родич готов помочь другому в затруднительную минуту» (свидетельство корреспондента из Самарской губернии, 1864 г.).

Помощь родственникам, односельчанам была четко организована и составляла твердую основу общей жизни села. Картина взаимопомощи выглядела так:

«Соседская помощь односельчанам, оказавшимся в трудном положении, занимала почетное место в общественной жизни деревни. Она регулировалась целой системой норм поведения. Частично такая помощь проходила через общину. Случалось, что мир направлял здоровых людей топить печи, готовить еду и ухаживать за детьми в тех дворах, где все рабочие члены семьи были больны. Вдовам и сиротам община нередко оказывала помощь трудом общинников: во время сева, жатвы, на покосе. Иногда мир обрабатывал участок сирот в течение ряда лет. Особенно распространена была помощь погорельцам – и трудом, и деньгами»¹⁴⁷.

В то же время, как отмечает М. М. Громыко, почти не встречаются описания помощи обедневшим крестьянам. Считалось, что хозяин сам виноват в том, что его дела пошатнулись и сам должен их исправить. Ленъ и тунеядство не поощрялись. Однако община могла, например, справиться свадебный убор бедной невесте.

Особое место в жизни крестьян занимали так называемые «помочи» – обычай приглашать знакомых людей для помощи в срочных работах, с которыми семья не успевает спра-

¹⁴⁶ Там же, с. 176.

¹⁴⁷ Громыко М. М. Мир русской деревни. С. 73.

виться самостоятельно. По типу выполняемой работы помочи имели свои названия: дожнинки (жатва), толока льна, навозница, вздымки (подъем сруба), печебитье, капустки.

«В больших селах на капустки собирались до 200 человек. <...> Помочами в один день обрабатывались до 5000 кочанов. Срок работы – один день – был постоянным, поэтому число капустниц зависело от запасов хозяина. После окончания работы хозяева приглашали всю молодежь в избу, где для капустниц был приготовлен ужин, за которым следовали песни, игры и пляски, продолжавшиеся до утра. На капустных вечерах пели обычно игровые песни»¹⁴⁸.

Громыко замечает, что благодаря взаимопомощи многие трудные дела превращались в праздник. В описании отмечается приподнятое настроение помочан – смех, шутки, остроты.

«“Хотя толокою производится работа тяжелая и не особенно приятная, но между тем толока – чистый праздник для всех участников, в особенности для ребят и молодежи”. <...> Праздничная обстановка дополнялась тем, что лошадей “убирали в самую лучшую сбрую” и надевали на них ошейники с бубенцами. Парни и девушки, правившие лошадьми, устраивали состязания в скорости, когда возвращались с поля порожняком. “Так что это время, – по замечанию наблюдателя, – напоминает масленицу”»¹⁴⁹.

Говорится и о нравственной стороне помочи – хотя труд этот не был обязательным, но отказов помочь практически не наблюдалось. Помочи были взаимными, коллективными, с закрепленным традицией составом участников: мужчин (печебитье, вздымки), женщин (капустки), девушек (супрядки), всех групп трудоспособных односельчан (навозница).

«Обыкновенным явлением» было помочь погорельцу. Корреспонденты из Новгородской губернии отмечали, что здесь «не найдется ни одного, просящего милостыню». «В Крестецком уезде этой же губернии (Заозерская волость, 1879 год) “в случае постигшего домохозяина несчастья, например, пожара, мир дает бесплатно лес для постройки; если кто заболает, то мир бесплатно исправляет его хозяйственные работы: убирает хлеб, сено и т. п.; на работу должны идти все; не желающего может принудить староста”. <...> Обработать поле и убрать его у одинокого больного, а также привезти лес на постройку мир считает нравственной обязанностью; в тех редких случаях, когда кто-нибудь из однодеревцев, под предлогом недостатка лошадей, отказывается участвовать в помощи, мир не приступает ни к каким карательным мерам; но общественное мнение осуждает его, а идти против мира редко кто решается» (Тульская губерния, 1879 год).

Да и не столько под давлением «мира», т. е. сельской общины, был всегда русский крестьянин открыт для оказания помощи другим людям, сколько по своей сердечной потребности, обратившейся в естественное, привычное дело и душевное устроение. Милосердие («сердечная милость», т. е. сочувствие, сострадание, жалость) составляло основу национального характера. В книге о мире русской деревни свидетельствам этнографических источников о проявлениях милосердия посвящен специальный параграф.

Они удивительны, эти свидетельства. Но нам, при таком обильном цитировании сведений и фактов, собранных другим автором и в другой области науки, пора уже пояснить свой взгляд на проблему. Итак, многие из приведенных М. М. Громыко фактов теперь кажутся удивительными и почти невозможными. Привычны въевшиеся в школьную память сведения об «отсталости» и «забитости» русских крестьян. Мы не сомневаемся, что в этнографических материалах можно найти свидетельства, подтверждающие факты косности деревни (ведь удавалось

¹⁴⁸ Громыко М. М. Мир русской деревни. С. 81.

¹⁴⁹ Там же, с. 79.

же их находить составителям учебников советского периода!). Однако все дело в *исследовательском методе*. Метод, которым вооружена автор работ о мире русской деревни, сочетает в себе два качества, крайне редко встречающихся вместе. Это тщательное, многолетнее и максимально полное изучение источников (этнографических материалов, содержащихся в архивах, а также собранных при непосредственном участии исследователя) и эмоциональная, сердечная включенность в проблему. Несколько фраз, оброненных в книге о сибирской родине, позволяют предположить, что автор тоже, в своем роде «деревенщик», только не из писателей-деревенщиков, а, скажем так: «ученый-деревенщик»...

Аргументация важности этого второго момента достаточно хорошо замечена самой М. М. Громыко, когда она упоминает «деревенщиков»-писателей. Это «свидетельство» близких людей о родном существе (деревне, «малой родине»...), вырастившем их, напитавшем их душевный мир своими соками (образами, примерами...) и стремительно исчезающем буквально на глазах одного-двух поколений. Той деревни уже почти нет. Но увидеть, описать, донести до других свои свидетельства об этом близком и родном существе могут живые личности, воспитанные деревней, обученные городом и достигшие определенных вершин в своем новом ремесле писателя или ученого. Это работа по *осознанию* ценностей русского народа, исходящая из самих глубин народа. Представляется, что крестьянство на исходе своего «раскрестьянивания» (термин, использованный и в книге Громыко), «снарядило» своих потомков на новый «промысел» (в писатели, ученые), чтобы они составили свидетельства для других поколений русских людей, чтобы те не окончательно утратили свою «русскость», т. е., прежде всего нравственные ценности народа. А свидетельства эти говорят об *открытости* русских людей другим культурам и народам.

Свидетельства о доброте русской деревни М. М. Громыко находит в источниках XVIII–XIX веков. Вот некоторые из них:

«“Все крестьяне нашей местности, – писал в конце XIX века Ф. А. Костин из деревни Мешковой Орловского уезда, – к погорельцам относятся с жалостью, стараются их утешить и помочь как советом, так и делом”. Каждый крестьянин, отмечал он далее, “считает за счастье”, если у него поселится погоревший сосед. Беспрекословно брали скотину погоревшего к себе на двор, давали ему свою лошадь. Брать с погорельца деньги за помощь “считается большой грех и срам”. <...> “...нищему никогда не откажут ни в хлебе, ни в ночлеге”, – сообщали из Вельского уезда Вологодской губернии. “Нищие в редком доме получают отказ”, – утверждал информатор из Пошехонского уезда Ярославской губернии. <...> “Лавку в переднем углу и последний кус хлеба крестьянин всегда готов с душевным усердием предоставить нищему. Это свойство крестьян особенно похвально потому, что бедные семейства, до какой бы крайности ни доходили, никогда не решаются нищенствовать, но стараются или взять взаимнообразно, или пропитываться трудами рук своих, и из этого-то слезового куска они никогда не отказывают страннику-нищему”» (из рассказов по Тульской губернии, 1849 г.). А вот богатый, но скупой не пользовался уважением. «Существовал обычай навещать заключенных в тюрьмах и одаривать их гостинцами, особенно в большие праздники. <...> У сибирского крестьянства вообще существовал обычай подавать милостыню (хлеб, монеты) всем арестантам, шедшим по сибирским дорогам в сопровождении конвоя»¹⁵⁰.

¹⁵⁰ Громыко М. М. Мир русской деревни. С. 92.

Громыко пишет о готовности крестьян оказать милостыню «как по конкретному, закреплённой традицией поводу, так и при неожиданно, стихийно возникающей просьбе».

Продолжая наше отступление, начатое выше, следует отметить ещё одну особенность такого метода обобщения материала и выявления основных – «формообразующих» (Флоренский), а не случайных, внешних фактов. Кроме двух условий, отмеченных нами ранее – широте охвата материала и искренней, сердечной включённости в тему, М. М. Громыко нередко обращается к свидетельствам русских писателей: Пушкина, Аксакова, Крылова... Здесь уместно привести такую мысль Павла Флоренского:

«Художественные типы – это глубокие обобщения действительности; хотя и подсознательные, но чрезвычайно общие и чрезвычайно точные наведения. Художественный тип сгущает восприятие и потому правдивее самой жизненной правды и реальнее самой действительности. Раз открытый, художественный тип входит в наше сознание как новая категория мировосприятия и миропонимания...»¹⁵¹.

М. М. Громыко приводит свидетельство одного великого русского писателя о другом:

«Гоголь подчеркивает «истинно русский ум» Крылова, «умеющий найти законную середину всякой вещи». И далее: «Только в Крылове отразился верный такт русского ума, который, умея выразить истинное существо всякого дела, умеет выразить его так, что никого не оскорбит выражением и не восстановит ни против себя, ни против мысли своей даже несходных с ним людей, – одним словом, тот верный такт, который мы потеряли среди нашего светского образования и который сохранился доселе у нашего крестьянина. Крестьянин наш умеет говорить со всеми себя высшими, даже с царем, так свободно, как никто из нас, и ни одним словом не покажет неприличия...»¹⁵².

Громыко отмечает, что русским крестьянам было присуще высокое чувство личного достоинства, предваряя само обсуждение этой темы (о чести и достоинстве крестьянства) замечанием: «В этом вопросе я предвижу наиболее ожесточенные возражения оппонентов»¹⁵³.

В понятие честного, порядочного человека крестьяне вкладывали очень богатое и предельно ясное содержание: это человек, который держит данное им слово, не обманывает, добросовестен в труде. «Всякий порядочный крестьянин старается держать данное им слово: нарушать его он считает нечестным», – писал А.В. Балов на основании собственных наблюдений в Ярославской губернии.

«Всякий крестьянин, оберегающий свою честь, старается не быть никогда не только замешанным в какое-либо преступление, но даже и заподозренным в нем. Он никогда не согласится ни на плутни, ни на обман, хотя бы это было допущено в торговле».

Балову вторил С.Я. Дерунов, собиравший материал в Пошехонском уезде этой же губернии:

«Понятие чести у крестьянина непременно соединялось с сознанием честного выполнения своего долга – в труде, в исполнении взятых на себя обязательств. Оно включало также правдивость и исключало способность наносить несправедливые обиды»¹⁵⁴.

¹⁵¹ Священник Павел Флоренский. Имена. М.: «Купина», 1993, с. 24.

¹⁵² Громыко М. М. Мир русской деревни. С. 94–95.

¹⁵³ Громыко М. М. Мир русской деревни, с. 94.

¹⁵⁴ Там же, с. 95.

В артелях, уходящих на промысел, особенно ярко проявлялись такие черты нравственного облика крестьянина как товарищеская взаимопомощь в беде, честность, товарищеская надежность, выполнение при любых обстоятельствах взятых на себя обязательств. Общественное мнение воспитывало верность товарищу, резко осуждая всякого, кто нарушал эту этическую норму.

Кроме того понятие чести у крестьян включало в себя для мужчин «отсутствие оснований для оскорблений и умение ответить на незаслуженные поношения», для девушек – чистоту, для женщин – верность.

«Очень четко выступает из многочисленных и разнообразных источников XVIII–XIX веков решительное осуждение русским крестьянством добрачных связей. Если такое и случалось, то как исключение, и всегда и повсеместно встречало отрицательную оценку общественного мнения деревни. <...> Предосудительной считалась и супружеская неверность»¹⁵⁵.

Репутация для крестьянина была очень важна. Община («мир») составляла представление о человеке, исходя из совокупности его поступков, поведения, поскольку вся жизнь членов общины проходила на глазах друг у друга. Община решала и некоторые вопросы юридического порядка.

Увидеть, какими словами принято было описывать человека образцовых нравственных качеств позволяют подлинные документы того времени, приводимые на страницах книги Громыко. Так выборным должностным лицам после окончания срока их полномочий выдавался как поощрение за хорошую работу аттестат, содержащий характеристику человека, честно и добросовестно исполнившего свою должность. Приводится несколько образцов таких характеристик, выданных разным лицам. Одна из них дается полностью, со всеми особенностями орфографии:

«Аттестат дан сей от Бийского волостного правления находившемуся в волосте в 1820 году старостою Леонтию Федорову Фефелову в том, что в бытности его в управлении сей должности вел себя добропорядочно, с подчиненными ему обходился благопристойно, ласково и снисходительно, в разбирательстве наблюдал долг присяги, назначенных от сей волости рекрут к начальству представлял и сдал как их самих равно и следующий на оных на одежду и обувь и прочее поставление деньги исправно, предобиженьев никому не чинил и жалоб на него нам ни от кого не принесено, почему и заслужил себе справедливую от общества благодарность, которого впредь принимать в мирских светах за достойного в чести человека, во уверение чего мы прикладываем свои печати января 8 дня 1821 года»¹⁵⁶

¹⁵⁵ Там же, с. 96.

¹⁵⁶ Там же, с. 103.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.